

The book cover features a central illustration of a man in a dark suit standing on the Earth with his arms raised. Above him, several ethereal, glowing human figures in various colors (blue, green, yellow, orange) are shown in floating, dynamic poses against a cosmic background of stars and nebulae. The title is prominently displayed in the upper half of the cover.

КЕЧТЛ КНДБ

Андрей Малютин

Посланник Ориона

Андрей Малютин

Нечто иное

«Э.РА»

2016

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Малютин А.

Нечто иное / А. Малютин — «Э.РА», 2016 — (Посланник Ориона)

ISBN 978-5-00039-601-8

Книга вторая «Нечто иное» из серии «посланник Ориона» является продолжением первой книги – «Путь оракула»

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-00039-601-8

© Малютин А., 2016
© Э.РА, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Неудачный ход может привести к мату	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Глава шестая	33
Глава седьмая	36
Глава восьмая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Малютин

Нечто иное

© Малютин А., 2016

* * *

Пролог

*«Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог
воззовет прошедшее».*
Книга Екклесиаста

Прошло более шестидесяти лет с тех пор, как Эрл (книга первая «Путь оракула») отправил камень Сынов богов в далекий космос на лемурийском космическом корабле. Человечество лишилось оракула – вестника судеб. Помогло ли это людям найти свой путь в вечности? На рубеже XXI–XXII веков человечество построило техногенную цивилизацию, основанную на принципах либерализма и толерантности. Религиозные догмы были преданы забвению почти повсеместно. Но всему когда-то приходит конец. Землю сковывают льды, начинается плохо контролируемая миграция населения, войны, эпидемии. Планету охватывает хаос. Человечество сплачивается вокруг единого президента, программы которого обеспечивают возможность выживания. Но кто он? Кто его слуги, возрождающиеся из небытия? Может быть, это само зло, скрывающееся под маской добра и гуманности? Герои книги пытаются разобраться в этом, постепенно понимая, что мир движется к своему концу. Они не в силах противостоять этому, но все же есть тот, кто даст человечеству шанс. Это беззащитный подросток, вокруг которого волею судьбы сплачиваются герои книги: женщина с душой древней арийки, зовущая себя – Лия (1 часть – «Путь оракула»); сбежавший пациент психиатрической клиники и агент секретного отряда специального назначения «Смерч».

Книга вторая «Нечто иное» из серии «посланник Ориона» является продолжением первой книги – «Путь оракула».

Посвящается моему среднему сыну – Егору Малютину.

Часть первая. Неудачный ход может привести к мату

Глава первая

Этот маленький, старый дом показался восьмилетнему Косте каким-то сверхъестественным, едва он увидел его. С самого начала, когда он с родителями въехал в новую, просторную квартиру и посмотрел с высоты одиннадцатого этажа вниз, он понял, что этот дом во дворе, посреди новостроек, стоит не просто так. Ведь его почему-то не снесли? Этот дом словно сказал ему тогда, – хоть это и странно, но именно сказал, – потому что Костя явно услышал: «я жду тебя». Костя побаивался его и всегда старался обходить, держась подальше и не глядя в его сторону. Он никогда больше не подходил к окну и не смотрел вниз, никогда не участвовал в шумных играх своих друзей во дворе. Он вообще старался лишней раз не выходить из дома. Самое странное, что он никак не мог объяснить себе причину своего страха и никому, никогда не говорил о нем. Его родители были довольны таким положением вещей: сын всегда дома, много читает, прилежно делает уроки, играет в виртуальные игры на ПК. Но вскоре Костя понял, что все это – полнейший вздор. Дома не умеют говорить и ждать. В свой шестнадцатый день рождения Костя решил покончить со своими страхами. Тогда родителей не было дома, и он с друзьями по школе изрядно повеселился. Легкие синтетические наркотики, принесенные одним из его товарищей, придали храбрости, и Костя подошел к окну и посмотрел вниз. Дом стоял на своем месте, утопая в молодой майской зелени высоких кустов и деревьев. С четырех сторон к нему тянулись тропинки, то появляясь, то скрываясь под кронами ясеней и тополей, пересекая на ходу асфальтовые дорожки и аккуратные газоны. Тогда Косте показалось, что этот дом – словно тумба на причале, к которой канатами-тропинками пришвартованы огромные многопалубные корабли-дома. Стало даже как-то забавно смотреть на двор, где кроны густо посаженных деревьев покачивались на ветру, создавая подобие морских волн. Дома тоже покачивались, и Костя подумал, что это просто зрительный обман – следствие употребленного наркотика.

– Игорь, – позвал Костя, – подойди.

– Ну чего тебе? – недовольно произнес сидящий на диване подросток с прыщавым лицом, неумело обнимающий захмелевшую девушку и пытающийся залезть рукой ей под юбку.

– Ну подойди.

– Я сейчас, – бросил Игорь девушке и чмокнул ее в губы. Та никак не отреагировала. Спиртное и наркотики сделали свое дело. Ей было все равно – сейчас или потом. Более того, ей было все равно, что последует за этим «сейчас».

– Что это за дом? – спросил Костя подошедшего к окну Игоря. Он понимал, что Игорь просто пошлет его далеко, – отвлек, понимаешь, от такого приятного занятия из-за какой-то чуши! Но Игорь-то должен знать.

– Какой дом? – Игорь тупо смотрел во двор мутными глазами.

– Ну вот, прямо посередине двора, – Костя указал рукой в открытое окно. – Со странной крышей в виде купола.

– Ты, брат, перебрал с «наркотой», – Игорь, улыбаясь, посмотрел на Костю. – Завидую. У меня «галюники» почему-то не появляются, хоть обожрись этих пастилок. Зато здесь, – он хлопнул себя ладонью по паху, – словно стоп-кран срывает, прямо чума какая-то.

– Подожди, подожди, – Костя схватил уже отходящего от окна Игоря за плечо. – Какие «галюники»?

– Да отстань ты, – бросил Игорь, сбросив с плеча руку Кости, – детская площадка там, а не дом. – Игорь быстро подошел к дивану и упал рядом с заснувшей девушкой. – Ритка,

Ритка, – он тряхнул ее за плечо. Из уголка рта девушки тонкой струйкой потекла слюна. – Отключилась, кукла, – разочарованно произнес Игорь. – Теперь хоть сам себя удовлетвори.

Игорь встал и направился в сторону одной из комнат, из-за двери которой раздавались стоны и иногда короткие выкрики. Жорка с Натахой уже как час уединились там. Игорь широко открыл дверь.

– А я к вам, – громко сказал он и шагнул в полумрак комнаты. Стоны прервались, но тут же раздались снова.

– Ты уверен? – крикнул Костя Игорю вслед. – Уверен, что там площадка?

– Да мы на ней все детство провели, пока ты дома книжки читал, ботаник! Пойдем, – Игорь махнул рукой, – устроим групповушку.

– Да ну вас, – тихо произнес Костя.

– Ну как знаешь. Оставляю тебе Ритку. Присмотри здесь за ней. – Игорь хихикнул и скрылся за дверью.

Костя снова посмотрел за окно. Никакой площадки он не видел. Дом. Тот дом, который он впервые увидел в восьмилетнем возрасте, стоял посреди двора. Костя почувствовал, что злится на себя. Целых восемь лет он боялся его, а теперь над ним еще и издеваются, говорят, что его вообще нет.

«Я жду тебя», – вдруг раздалось в голове Кости. Он даже вздрогнул и попятился от окна. «Ждешь? – крикнул Костя, через секунду придя в себя от испуга и сжав кулаки. – Хорошо, я иду к тебе».

Через пару минут Костя вышел из подъезда и решительно направился в сторону таинственного дома. Тот находился метрах в двухстах и, приближаясь, Костя частично различал его обшарпанные стены, заслоненное кустами и заросшее мхом полуразвалившееся кирпичное крыльцо с тремя ступеньками и тяжелой, деревянной, потрескавшейся дверью над ними. По асфальтовой дорожке Костя обогнул автопарковку и через полминуты оказался метрах в пятнадцати от дома. Тут Костя остановился и посмотрел по сторонам. Везде асфальтовые дорожки, газоны, скамейки с сидящими на них стариками и мамами с колясками. Одна из дорожек упиралась прямо в крыльцо дома. Как раз по ней шла молодая женщина, ведя за руку двух маленьких детей. Вернее, они тащили ее за руки и наперебой просили покачаться на качелях и покататься на карусели. Костя еще раз осмотрелся. Никаких качелей, карусели, вообще никакого намека на детскую площадку он не увидел. Перед ним был только этот обветшалый дом. Страх снова стал вкрадываться в сознание Кости. Он стоял, неотрывно наблюдая за женщиной с детьми, и в тот момент, когда они, не ощутив на своем пути никакого препятствия, просто прошли сквозь порог и дверь, пропав за ними, Костя побежал. Он не помнил, как оказался дома. Не помнил, как закрылся в ванной и забился в угол, где и заснул только под утро, не открывая дверь настойчиво стучащим в нее, требующим помыться после секса и вскоре ушедшим в недоумении друзьям.

Родители, пришедшие утром и обнаружившие своего сына запертым в ванной, долго пытались выяснить, что творилось дома в их отсутствие, но так ничего и не добились. Костя молчал, как рыба, произнеся только единственную фразу: «Все было нормально».

«Не трогай ты его. Ему в школу пора», – наконец сказал отец матери. На этом все и закончилось.

– Чё с тобой было-то, Костян? – спросил его на перемене Игорь. – Да-а, – отмахнулся Костя.

– Нет, ну правда? Забежал, стал всех выгонять, в глазах то ли испуг, то ли бешенство. Ритку по щекам так отхлестал, что она сегодня на занятия не пришла – синяки, наверно.

Костя недоверчиво посмотрел на Игоря.

– Чего, правда, что ли?

– Ага, – кивнул головой Игорь. – Мы тебя никогда таким не видели. Тихоня называется.
– Слушай... – Костя внимательно посмотрел в глаза другу. – Могу я тебе что-то сказать, только между нами?

– Конечно, старина.

– Я все про этот дом.

– Какой дом? – не понял Игорь.

– Ну тот, на месте которого детская площадка.

– А. Так там нет никакого дома. Я же тебе сказал, это «галюники».

– Подожди ты. – Костя на секунду задумался – может, не стоит рассказывать? – В общем, с тех пор, как мы переехали, я вижу на месте площадки старый дом, а площадки никакой не вижу. Но не это главное. Главное то, что он зовет меня. Я никогда, никому этого не говорил. Прямо мистика какая-то.

– Как зовет? – заинтересовался Игорь. – Такого не бывает. Уже давно доказано, что никакой мистики и чудес нет. Все это выдумки больного сознания разных шизофреников и параноиков. Может, ты того... – Игорь повертел пальцем у виска и присвистнул. – А может, это мираж?

– Он говорит мне: «Я жду тебя».

– Друг мой, – Игорь слегка толкнул Костю кулаком в грудь, – тебя ждет не дом, а психотерапевт. Могу подействовать. Мой папаша зарабатывает деньги, разгребая дерьмо в головах всяких ненормальных.

– Я нормальный, – обиделся Костя.

– Нормальный, нормальный, – согласился Игорь. – Ты был бы нормальным, если бы вчера к нам присоединился. Так повеселились, – Игорь закатил глаза, – круто.

– Да пошел ты, – бросил Костя.

– Ладно, ладно, праведник ты наш. Бога, что ли, боишься? Так он умер много лет назад. Я в каком-то старом журнале прочитал. Его, кажется, на кресте распяли или... не помню, в общем. Сейчас главное – свобода. Мы, брат, в свободном мире живем. Посмотри вокруг. Секс, наркотики – одно из проявлений свободы.

– Так ты устроишь мне встречу с папой? – не обращая внимания на слова Игоря, спросил Костя.

– Я тебе что, сваха что ли? Приходи в десять вечера сам, он уже дома в это время. Не стесняйся. У меня мировой папаша. О, смотри, – Игорь указал за спину Кости, – Ритка идет.

Костя повернулся.

– Привет, Рит, – бросил Игорь проходящей мимо, как будто не замечая мальчишек, девушке.

– Привет, прыщавый, – съязвила она на ходу.

– Привет, – поздоровался Костя.

– А с тобой, козел, я вообще не разговариваю! – Она потеряла густо покрытую тональным кремом щеку и двинулась дальше.

– О, о, о! – воскликнул Игорь. – Я все равно тебя трахну.

– Облوميшься, – бросила через плечо Ритка.

– Ладно, пойдем в класс, – предложил Костя. – Потом перед ней извинюсь.

– Еще чего – извинюсь! Надо тебе? – пожал плечами Игорь.

Без трех минут девять Костя нажал на звонок квартиры Игоря.

– Представьтесь, – потребовал мужской голос из селектора.

– Я друг вашего сына – Костя. Учусь с ним вместе.

– Поднесите паспорт к сканеру селектора.

Костя достал паспорт и прислонил его к маленькой коробочке, прикрепленной к стене под звонком. Через секунду щелкнул замок, и дверь широко распахнулась. В темном коридоре никого не было. Костя шагнул вперед.

– Проходите, проходите, не стесняйтесь, – раздалось где-то в конце коридора.

Костя шел по коридору на голос, зачем-то считая двери комнат по обе стороны. Тусклый свет загорался под потолком по мере его продвижения и гас за его спиной. Наконец, перед Костей распахнулись двери гостиной, которой и заканчивалась эта квартира, похожая своей планировкой на больничное отделение. Мужчина, одетый по-домашнему: в джинсы, цветную майку, развернулся в сторону вошедшего Кости в кресле-вертушке и широко улыбнулся.

– Здравствуйте... – произнес Костя.

– Здравствуйте. Андрей Викторович, – представился мужчина. – Я так понимаю, что вы пришли именно ко мне, а не к моему сыну-разгильдю. Вам нужна консультация?

– Совершенно верно... – Костя остановился в дверях и осмотрелся. – Игорь сказал мне, что вы – психотерапевт, а мне... в общем, у меня есть вопросы и нет ответов.

– Присаживайтесь, где удобно, – уловив взгляд мальчика, предложил Андрей Викторович и повел рукой, предлагая Косте самому выбрать место.

Костя выбрал кресло на другой стороне гостиной.

– То, что вы сели так далеко, свидетельствует о том, что вы еще не успели испортиться, как большинство ваших сверстников-нахалов. Чувствуете дистанцию со взрослым человеком и, к тому же, у вас какая-то проблема, которую вы решились поведать мне, но до сих пор сомневаетесь: надо ли это делать?

– Да, – выдохнул Костя, непонятно с чем соглашаясь. Он отметил, что отец Игоря обращается к нему на «вы», и эта манера разговора, сосредоточенный взгляд и то, как четко он определил Костину нерешительность, как-то не вязалось у Кости с тем, что вчера вечером вытворял его сын. Знает ли он своего сына таким, какой он есть? Если нет, то он плохой психотерапевт.

– Не часто у меня бывают молодые люди, – произнес Андрей Викторович. – Своего сына я редко вижу в последнее время. Говорить с ним просто невозможно... да он этого и не просит. Впрочем, и проблем у него нет, – как он говорит... в чем я очень сомневаюсь. Садитесь поближе. – Андрей Викторович указал на кресло напротив. – И рассказывайте. Правда, я не практикуюсь в психологии подростков.

Костя встал. «Он что, мысли читает?» – думал Костя, проходя через гостиную.

– Вы пристально смотрели на фотографию Игоря, висящую на стене, поэтому я и заговорил о нем, – вдруг сказал Андрей Викторович и улыбнулся. – Вы же о нем сейчас подумали?

– Да, – честно признался Костя, усаживаясь в кресло.

– Это просто. Я хочу, чтобы вы поняли: вы пришли сюда не зря. Деньги с вас я брать не буду, а помочь – помогу, насколько это будет возможным. Друг моего сына – мой друг. Так о чем вы хотите рассказать?

– Дело в том... – Костя замялся. – Я вижу то, чего не видят остальные.

– То есть неодушевленный предмет? – Андрей Викторович закинул ногу на ногу.

– Не совсем так. Я вижу старый, разваливающийся от времени дом и он зовет меня. Он говорит: «Я жду тебя».

– Это голос мужчины или женщины? – Лицо Андрея Викторовича стало серьезным, взгляд пронизательным.

– Вроде, мужчины, – Костя пожал плечами.

– Он похож на голос кого-то из ваших родственников или друзей и знакомых?

– Нет, пожалуй. Я никогда раньше не слышал его.

– Хорошо, продолжайте.

Костя рассказал ему свою историю, начиная с переезда. О том, как он всячески избегал этого дома. О дне рождения, опустив некоторые подробности, от которых Андрей Викторович был бы не в восторге.

– ...мне страшно, – закончил Костя.

– Еще один вопрос. Этот голос вы слышите извне или он рождается у вас в голове?

– Мне трудно определить. Он возникает сам собой и мне кажется, что я слышу его, как вас, когда смотрю на этот дом. Это было всего два раза, как вы теперь знаете.

– Ну что ж... Думаю, что ничего страшного в этой истории нет. В восьмилетнем возрасте вам по какой-то причине очень хотелось увидеть среди новостроек маленький домик. Почему? Если хотите, мы можем разобраться и в этом. Где вы жили до переезда?

– За городом в коттедже. Это был маленький поселок из частных домов на окраине леса. Потом там стали прокладывать монорельс, нам предложили переехать.

– Что и требовалось доказать. Именно с переездом связаны ваши теперешние страхи, – заключил Андрей Викторович и улыбнулся. – Старый дом подсознательно ассоциируется с комфортом и уютом. Ведь вам было хорошо и спокойно в вашем прежнем доме?

– Да, – согласился Костя.

– Знайте, – Андрей Викторович снял ногу с ноги и чуть нагнулся вперед, – вам ничего не угрожает, а выход из создавшейся ситуации очень прост. Это называется конфабуляциями. Состояние, когда человек верит в то, чего нет на самом деле. В той или иной степени они присутствуют у всех людей. Мы иногда придумываем себе что-то, например, какую-нибудь историю, приключившуюся с нами когда-то, ситуацию, случившуюся с кем-то из знакомых, близких или незнакомых нам людей, а со временем начинаем в нее верить, как будто это было на самом деле. У вас они сильно выражены и сопровождаются иллюзией присутствия и речевого контакта. Так вот: вам просто необходимо зайти в этот дом. Поверьте мне, от вашего страха не останется и следа. Иллюзия исчезнет. Я помогу вам, пойду вместе с вами.

– Когда?

– Я очень загружен работой, молодой человек. Потому предлагаю не переносить ваши страхи на неопределенное время. В данный момент я ничем не занят, кроме как вами и вашей проблемой.

– Сейчас?

– Совершенно верно. Только надену кроссовки, и возьму куртку.

Порог дома приближался все ближе и ближе, – не он, Костя, шел к дому, а дом к нему. По крайней мере, так казалось Косте, подходящему к злосчастному дому в сопровождении Андрея Викторовича. Через несколько метров Костя стал различать глубокие трещины в перекошенной двери, висящее на месте ручки тяжелое ржавое кольцо, обвалившуюся штукатурку крыльца, из-под которой торчал красный, частично сколотый, с зелеными разводами кирпич, местами поросший мхом. Костя остановился. До первой ступеньки остался один шаг. Костя посмотрел вверх. Ни одного окна. Почему он раньше этого не замечал? Хотя, впрочем, он и не всматривался.

– Почему вы остановились, Костя? – спросил Андрей Викторович.

– Мы пришли, – выдохнул подросток. – Мы стоим на пороге, в метре от входной двери. Андрей Викторович положил руку на плечо Кости.

– Вы ничего не видите? – с тревогой спросил Костя.

– Честно говоря, я вижу детскую площадку. – Психолог пожал плечами. – Опустевшую детскую площадку. Что видите вы?

Костя в деталях описал порог, стены и крышу дома.

– Он зовет вас? – поинтересовался Андрей Викторович.

Костя прислушался, но через секунду пожал плечами.

– Значит, не зовет, – заключил Андрей Викторович. – Но то, что вы сейчас рассказали, очень интересно. Предлагаю обойти дом вокруг.

– Зачем? – не понял Костя.

– У дома должны быть окна, понимаете? Вдруг пожар, утечка газа, да и просто – для того, чтобы было светло. Один вход подразумевает под собой один выход, без вариантов. Тот, кому принадлежит или принадлежал этот дом, должен был подумать об этом, когда закладывал фундамент. Вам страшно?

– Честно говоря, – Костя еще раз посмотрел на крыльцо, – уже меньше, чем раньше.

– Идем.

– Хорошо, – согласился Костя.

Андрей Викторович похлопал Костю по плечу и чуть подтолкнул. Костя пошел вдоль стены, отодвигая ветки кустов и обходя тоненькие деревья. Остальные стены дома так же не имели окон, зато у каждой было по крыльцу с несколькими ступенями, к которым тянулись протоптанные тропинки. Одно было странно: никакого намека на двери. Все три крыльца упирались в стену. Костя обходил их стороной, комментируя увиденное по пути. Наконец, Костя и его сопровождающий вернулись на первоначальное место, к единственной двери.

– Что скажете? – спросил Костя.

– Вы шли строго по периметру площадки, отмахиваясь от несуществующих веток и обходя стороной стоящие на вашем пути качели, карусель и песочницу. Здесь же, в метре от нас, находится маленький детский домик. Все то, что видите и рассказываете вы, Костя, мне что-то напоминает. Предлагаю вернуться домой и снова прийти сюда завтра. Я отменю прием. Покопаюсь в литературе. Чувствую, что ваш случай не такой простой, как мне показалось на первый взгляд. Когда вам будет удобно?

– Завтра? Но... – Костя взглянул на дверь.

«Я жду тебя!» – вдруг раздалось в голове Кости, отчего он вздрогнул. Но испуг сразу прошел. Появилось что-то другое. Что-то, отчего все тело напряглось и словно окаменело. Скулы словно свело судорогой, руки согнулись в локтях, пальцы рук сжались в кулаки.

– Нет, Андрей Викторович, – Костя решительно посмотрел на стоящего рядом мужчину, – нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать прямо сейчас. Я не хочу ждать.

– Не делайте этого, Костя, это склеп, понимаете, я понял! – крикнул Андрей Викторович и попытался схватить Костю за плечо, но промахнулся. Тот резко шагнул вперед и дернул за кольцо двери. Та на удивление легко подалась и открылась, даже не скрипнув.

– Это просто качели, песочница и карусель, – последнее, что сказал Костя, шагнув во мрак неизвестности.

Глава вторая

Дверь неожиданно захлопнулась за спиной. Костя замер. Вокруг – кромешная тьма. Сырой воздух с резким запахом плесени ударил в ноздри. Тихо. Так тихо, что заложило уши. Костя повернулся и попытался нащупать руками дверь, но его пальцы наткнулись на сырой камень. В голове что-то громко запульсировало, и в полной тишине этот монотонный стук показался грохотом. Костя отдернул руки и медленно повернулся на месте. Коленки противно тряслись, тело сковало, словно налилось свинцом. «Что делать, что делать, что делать?» – проносилась в голове одна и та же мысль. Костя мотнул головой и сильно выдохнул. Стало легче. Он проделал это еще раз. Скованность постепенно стала отпускать, уступая место слабости. Костя почувствовал, как по спине скатываются капли пота.

– Эй! – робко прошептал Костя во тьму.

Тишина.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – вполголоса произнес Костя.

Тишина.

– Эй!» – громко крикнул Костя.

– Эй, эй, эй, эй, эй!! – ответило глухое эхо, медленно угасая.

Костя сглотнул слюну. «Зажигалка!» – вдруг осенило мальчика. Он захлопал по карманам, вдруг ощутив такой прилив радости, какой ему не доводилось ощущать никогда в жизни. Стук в голове, было пропавший, появился снова, но это были уже другие ощущения. Сердце бешено заколотилось, слабость отступила, тело напряглось. Что-то подобное ощущает студент, ожидающий оглашения экзаменационной оценки, надеясь на то, что она будет высока, при этом зная, что ответил он весьма посредственно.

Через секунду в темноте вспыхнул яркий огонек. Костя зажмурился и отвел руку в сторону, затем вытянул ее вперед. Пламя слегка подрагивало, и это, несомненно, говорило о том, что воздух не стоит на месте. К сожалению, кроме влажного пола, выложенного булыжниками, Костя ничего не увидел ни впереди, ни по бокам. Но и это было уже кое-что. Костя повернулся. За его спиной была стена из таких же булыжников, что и пол. Никакого намека на дверь. Он решил продвигаться вдоль стены. Шагов через двадцать он дошел до угла и остановился. Куда идти? Возвращаться обратно и искать таинственно исчезнувшую дверь или идти дальше? Подумав, Костя двинулся дальше. Через несколько метров, к его радости, в стене появился проем. Дойдя до него, он увидел то, что надеялся найти. Дверь с чугунным металлическим кольцом была утоплена в стене. Костя схватился за него, рванул на себя. Ничего. Толкнул дверь вперед, навалился на неё плечом. Дверь не поддавалась.

– Чёрт! – выругался Костя и затряс рукой, пытаясь остудить обожженный пламенем палец. Вновь стало темно, только перед глазами уплывало куда-то в сторону белое пятно, постепенно меняя цвет на красный и угасая. «Ладно, пойду дальше на ощупь. По крайней мере, должно быть еще две двери, помимо той, пропавшей, через которую я прошел». Костя продвигался медленно. Его пальцы натыкались то на скользкий, мокрый камень, то на что-то мягкое, скорее всего – мох. Он действительно обнаружил еще две двери, но к его глубокому разочарованию, они также оказались запертыми. Что там кричал этот психолог? СКЛЕП. Во я попал... Зашел сюда и сам себя заживо похоронил. Я умер?! Костя сполз по стене вниз. Сколько он просидел в темноте, обхватив голову руками, он не помнил. На какое-то время он даже отключился. И вдруг – шаги. Костя вздрогнул и стал весь внимание. Точно, шаги! Затем какой-то скрежет и сверху упал, как полоска, блеклый луч света, слабо осветив какой-то аппарат посреди помещения метрах в двадцати впереди. Луч становился все шире и шире и вскоре Костя смог различить очертания аппарата. Это был телескоп. Да, да. Костя не мог ошибиться. Вверху, над Костиной головой были тусклые звезды городского ночного неба. Именно туда

было устремлена похожая на дуло гигантской пушки труба телескопа. Под ним стояло кресло и маленький столик, заваленный книгами, а в кресле... В кресле сидел человек. Костя явно видел его очертания.

– Ты не умер, – вдруг раздался старческий скрипучий голос.

– Кто ты? – спросил шёпотом Костя.

– Я жду тебя, – произнес голос.

Человек сидел неподвижно, но кроме него говорить никто не мог.

– Так это ты звал меня? – Костя медленно встал.

– Тебя звала твоя судьба, молодой человек. У нас впереди много времени поговорить о ней.

– Но я не хочу говорить о судьбе! Что тебе нужно? Вернее, вам... Говорите, и я пойду отсюда!

– Ха-ха-ха-ха-ха! – скрипуче рассмеялся человек. – Уйдешь. Тот, кто зашел сюда, обратно возвратиться не может... до времени. Выходов отсюда только три, но в другие, совсем другие места, и не для нас с тобой. Ты и я – исключение. Ты будешь здесь, со мной.

– Я вас не понимаю.

– Поймешь. Я жду тебя.

Костя неуверенно двинулся вперед. Шаг, еще шаг. Наконец Костя увидел человека в кресле. Это был чернокожий старик, накрытый рваным и пахнущим сыростью пледом. Он был лыс. Голова его еле заметно тряслась, губы скривились в неприятной беззубой улыбке. Костя перевел взгляд на причудливую оптику телескопа с какими-то колесиками, рычажками и окуляром, покрытыми паутиной. Она же перекидывалась узорчатыми сетками и на трубу телескопа, а оттуда – к потолку, провисая, словно гамак.

– Простите, – Костя вновь посмотрел на старика, отметив про себя, что у него совершенно пустые глаза. Костя провел перед ними ладонью. Старик не отреагировал. – Простите...

– Да, я потерял зрение, смотря в небо через этот телескоп, пытаюсь найти... увидеть... – Старик запнулся. – Но мне, впрочем, не нужны эти никчемные органы в глазницах, – вдруг нашелся старик. – Они примитивны. Есть другой орган зрения. Кстати и у тебя тоже, ха, ха. Ты же обнаружил вход сюда. Ты тоже можешь смотреть в телескоп. А теперь ты хочешь знать, как попал сюда я?

– Да, – Костя закивал головой.

– Так же, как и все. И я намерен помочь тебе выйти отсюда, если ты окажешь мне одну услугу.

– Да, да, конечно! – обрадовался Костя и вдруг испугался. А что он может?

– Можешь, – прошептал старик.

– Что я должен делать?

– Ну... для начала посмотри в телескоп.

Костя брезгливо снял паутину с окуляра и, присев, посмотрел в него. Все расплывалось. Костя попробовал покрутить колесико над окуляром. Постепенно стала вырисовываться какая-то картина. Это были не звезды, которые ожидал увидеть Костя. Он в ужасе отпрянул назад.

– Да, да, молодой человек, но это не смерть. Смотри.

– Чт-т-о э-т-то? – заикаясь, произнес Костя.

– Судьба! – выдохнул старик.

Костя снова прильнул к окуляру.

– ...говоря же вам, я сам ничего не понимаю! – голос Андрея Викторовича дрожал. – Он шагнул в этот детский домик и упал, как подкошенный.

– Так, так, – произнес человек в форме сотрудника скорой помощи, приложив пальцы к щеке Кости и посветив фонариком ему в глаза. – Он жив, но в коме.

– Давление 100 и 55, – сказал суетившийся рядом фельдшер, – что набирать?

- Головой не бился? – бросил врач в сторону Андрея Викторовича.
- Да нет, – пожал плечами психолог, – говорю же, он в домик шагнул и сразу упал. Хотя там темно, может и...
- Воротник ему на шею, потом на носилки, а то тут в этом домике места мало, – командовал врач. – Глюкозу, кубиков сорок, и аскорбинку, затем – налоксон... может, это «передоз».
- Вы думаете, он – наркоман? – в недоумении произнес Андрей Викторович.
- А вы вообще кто? – спросил врач, вешая фонендоскоп себе на шею.
- Я... понимаете, тут такое дело... – начал сбивчиво объяснять мужчина. – Мальчик утверждал, что на месте детской площадки стоит старый дом, который зовет его к себе. Я психолог. Хотел помочь пацану разобраться в его страхах.
- Вы его знаете?
- Он друг моего сына. Одноклассник.
- Родителям надо сообщить. А наркоманов сейчас – сами знаете...
- Да, да, я пойду. Как я об этом не подумал... Обычные галлюцинации после приема этой гадости.
- Подождите, сейчас полиция подъедет.
- А зачем полиция?
- Так положено. Им все объясните. Ну чего там? – крикнул врач в сторону машины, куда занесли носилки.
- Никакой реакции, доктор. Я ему «капельник» наладил через катетер.
- В это время подъехала машина с нарядом полиции. Врач отправился к карете «скорой» и взял рацию.
- Диспетчер, это восьмая. Нинуль, у нас здесь кома неизвестного генеза. Черепно-мозговая под вопросом. Шестнадцать лет, – быстро произнес в рацию врач.
- Костя снова отпрянул от окуляра.
- Ну как тебе? – раздался сбоку скрипучий голос деда.
- Я... я... я не знаю! – Костю трясло мелкой дрожью.
- Да, – вздохнул старик, – кома это не подарок, но это и есть твой шанс... и мой тоже.
- Костя в недоумении уставился на старика. Тот так и сидел неподвижно. Костя почувствовал, что его сейчас стошнит. В глазах потемнело, ноги подкосились, и он упал.
- Слабак! – произнес старик. – Слабакам не место на Земле.

Глава третья

Костя открыл глаза. Он лежал ниц на сыром полу. Медленно сев, Костя посмотрел по сторонам. Темно, хоть глаз выколи. Что это было? Телескоп, этот старик и то, что я видел в телескоп. «Я спал», – успокоил себя Костя.

Скрип, тонкий, бледный луч света сверху, напоминающий развернутую простыню. Костя вздрогнул.

– Нет, молодой человек, ты не спал. Хотя отключиться на несколько лет было с твоей стороны неприлично. Каждую ночь созерцать твое неподвижно лежащее на полу тело – неприятная картина. Правда, здесь нет времени в понятиях плотного мира.

– Это вы?! – Костя встал. Тот же телескоп, кресло, столик с книгами и старик. – Я что, потерял сознание?

– Потерял? Ты и есть сознание. Жизнь. Душа. Поле. Называй, как хочешь. Ты не мог потерять сам себя. То, чем ты являешься сейчас, пока твой дух еще теплится в твоём теле, вечно. Мы сами строим свою тюрьму, образно говоря. А кто – и на самом деле.

– Как это? – Костя подошел поближе.

– Несколько лет назад ты говорил, что не хочешь говорить про судьбу... ха!

– Теперь все изменилось! – Костя посмотрел в пустые глаза старика.

– Я вижу... – Старик крикнул, пытаясь изменить положение тела. – Ты пока взгляни в телескоп. Я соберусь с мыслями.

Костя приставил глаз к окуляру.

– Может, побрить его? – спросила молоденькая сестра у врача.

– Ему от этого легче не станет... – Врач задумался. – Хотя и тяжелей – тоже.

На больничной койке лежал человек. Лишь голова с густыми длинными волосами, раскинувшимися по подушке, усами и бородой торчали из-под одеяла. Сестра осторожно стала удалять эту поросль ножницами, затем бритвой, и Костя стал узнавать сам себя. Да, это был он сам, но заметно повзрослевший. Костя оторвался от телескопа.

– Сколько лет я так пролежал, старик?

– Почти шесть лет.

– Так мне теперь...

– Не тебе, а твоему телу, – перебил старик. – Твоему жалкому телу сейчас еще 21 год по времени плотного мира.

– Что за плотный мир?

– Все потом, ты смотри, смотри.

Костя вновь уставился в окуляр. Он увидел город с развалинами домов, покрытыми инеем и льдом. Метель, гуляющую по пустым улицам... стоп! Не по пустым. Под аркой уцелевшего здания мелькнула тень. Костя дернул за рычажок, и арка стремительно приблизилась. Костя увидел сидящего на коленях человека, одетого в лохмотья. Запавшие, с нездоровым огоньком глаза. Он жадно откусывал куски от того, что держал в руках, мотая головой. Что-то черное текло по его подбородку. Костя приблизил еще. Человек на время замер, оторвавшись от трапезы. Словно почувствовал, что за ним наблюдают.

– Нет! – крикнул Костя, поняв, что именно ест тот.

– Да, молодой человек, – безразлично произнес дед, – он пожирает человеческий труп. Холод накроет мир. Люди с севера двинутся на юг. Люди юга не захотят их пускать. Начнется война и вскоре голод. Убить человека станет делом обычным. А съесть его... На севере люди одичают, а в некоторых ресторанах вновь отстроенных городов человечина будет считаться деликатесом.

– Какие рестораны? Вы же говорите – голод, холод, война...

– Некоторые полисы на юге будут процветать и хорошо охраняться. В них будут жить те, кто захочет спастись. Все полисы будут подчиняться президенту всемирного правительства и соблюдать установленные им законы. Это будут города свободы, города-государства. Посмотри.

Костя посмотрел в окуляр. Храм, иконы, идет служба. Народу – 7 человек, но они не слушают. Пятеро фотографируют иконы, судя по вспышкам надетых на глаза очков. Двое молодых парней целуются у входа в храм. Улица. Ступеньки храма. Торговые палатки. Под храмом – ресторан. Сбоку от входа в храм, на проспекте, стоят, сверкая голыми ляжками, проститутки. На забитых рекламой улицах полно народа. Все спешат куда-то. Многие из них, к удивлению Кости, совершенно голые. Идут себе кто куда. А кто и занимается сексом прямо на глазах у окружающих. Кабинки туалетов без дверей и с прозрачными стенами прямо у остановок беспилотных аэроавтобусов и монорельсовых поездов. Смотри на испражняющегося, сколько влезет. Тут же кучка молодежи, не стесняясь колющая себе наркотики. Справа от остановки заметное оживление. Длинная очередь к маленькому окошку напоминающего склад здания. Вокруг здания – колючая проволока, полиция и военные с автоматами наперевес. Люди подходят к окошку и засовывают в него правую руку. Через несколько секунд вытаскивают ее с зажатым в ладони пакетом. На пакете крупная надпись: «продовольственный паек». Они прижимают пакет к груди и быстро уходят. Вдруг сбоку крики: «Изгой, изгой, изгой!». Несколько мужчин и женщин из очереди рванули куда-то в сторону. К ним присоединились еще и еще. Толпа бежит за человеком, одетым в рваную одежду. В его глазах ужас и в то же время – смирение. Он понимает, что не может скрыться и останавливается. Толпа окружает его. Кто-то бросил в него чем-то, потом еще, еще, еще. Кто-то плюет, кто-то пытается ударить его ногой. Человек старается уклониться. Толпа неистово смеется. Вой сирены. Откуда-то сверху опускается блюдцеобразный летательный аппарат с крупным «полиция» на бортах. Толпа останавливается и начинает расходиться, бурно обсуждая то, как они повеселились. К человеку, согнувшемуся пополам, подходит полицейский. Тот протягивает ему какой-то рваный документ.

«Что ты здесь делаешь, оборванец?» – жестко спрашивает полицейский.

«Прошу подаяние. Я хочу есть. Моей семье нужна еда. Среди «подписавшихся за одного» еще есть хорошие люди». – Человек вытирает рукавом струйку крови, катящуюся из уголка рта, и косится в сторону очереди.

«Почему не принимаешь “улитку“?» – жестко спрашивает полицейский.

«По идейным убеждениям», – отвечает человек.

Полицейский отдает документ и замахивается дубинкой, но рука его останавливается.

«Моя бы воля, я бы всех вас крыс-изгоев выловил и по ресторанам отправил! Еще раз высунешься днем – ты труп. Твое время – ночь. Хотя я бы давно закрыл эти бесплатные ночные забегайки для вас... Корми еще отщепенцев! В общем, так. Ты нарушил общественный порядок, появившись в таком виде на улице города. Твои данные в картотеке теперь в первых местах на уничтожение без объявления причин. Понял, ходячий ресторанный деликатес?»

«Да». – Человек побрел, сгорбившись, к наполовину открытому канализационному люку и быстро скрылся в нем, задвинув за собой тяжелую крышку.

Костя посмотрел на старика.

– Это что, фильм ужасов?

– Ха, фильм! Это то, что грядет.

– Этого не может быть!

– Это уже началось в твоём мире, и началось давно, Костя! Только в плотном мире не придают этому значения. Прикрываются словами: свобода веры, свобода слова, свобода мысли, свобода секса, толерантность и так далее. Люди в плотном мире уже сейчас забыли простое слово – нельзя.

– Да, – Костя кивнул головой, – иногда такое по телевизору покажут, что смотреть противно и страшно, а хочется почему-то досмотреть до конца. Да и... – Костя махнул рукой. – А кто такие изгой?

– Так, отбросы извращенного общества, – как это общество будет считать. Ты взгляни еще раз, чуть дальше по времени.

Костя прильнул к окуляру.

Ночь. Яркие всполохи рекламы на стенах домов и рекламных щитах, освещающие голубыми, зелеными и красными бликами многоярусные улицы города. Нависающие над дорогами нижнего уровня мосты, перекидывающиеся от дома к дому и упирающиеся в арки порталов, подвесные магистрали дорог и монорельсов, беспорядочно обвивающие высотные дома, словно длинные щупальца осьминогов. Чуть выше – канаты фуникулеров с многоместными вагончиками, отчаливающими от площадок-порталов верхних этажей высоток, словно паутина, покрывающие всё пространство между домами. Монотонный голос вещающего над улицами диктора, неизвестно откуда исходящий: «Свободные граждане свободного города Вида, напоминаем вам, что ровно в полночь начинается комендантский час. Электричество будет частично отключено. Во избежание несчастных случаев просьба не выходить на улицы нижнего уровня без надобности». Единичные фигурки идущих по улицам нижнего уровня людей начинают ускорять шаг, исчезая в лазерных порталах жилых домов, ресторанов, баров и борделей. На верхних уровнях напротив – оживленно. С каждой минутой народ все прибывает, рассчитывая расслабиться и отдохнуть по-полной, проведя надвигающуюся ночь в увеселительных заведениях для самодостаточных людей. Вдруг освещение и реклама нижнего уровня гаснет, и кажется, что дома выходят прямо из преисподней. Вслед за этим гаснет свет в окнах домов и реклама верхних уровней, остается лишь свет редких уличных фонарей. Через секунды, в хаотичном порядке, окна домов начинают освещаться изнутри тусклым светом зажженных свечей и переносных электроламп. Верхние уровни города погружаются в полумрак. На мостах видно большое скопление людей. Они включили фонарики и светят ими вниз, пытаются найти что-то на пустых улицах нижнего уровня, погруженных во тьму. Сотни и сотни белых лучей, перекрещиваясь, сливаясь и снова расходясь, скользят по дорогам, витринам и стенам домов большими бледными кругами.

Костя оторвался от окуляра, протер глаз и снова примкнул к телескопу.

Мужчина и женщина сидят на широком диване. Мужчина курит, женщина жуёт какие-то шарики из цветного пакета. На столике перед диваном стоят несколько зажженных свечей. Мужчина берет пульт. «Зачем? – спрашивает женщина. – Придется платить за электричество по утроенному тарифу». – «Да ладно тебе. Сегодня будет шоу!» – возражает мужчина. Он нажимает кнопку. За их спинами, над головами яркая вспышка, луч света пронизывает помещение и через секунду исчезает. Прямо перед ними во всю стену развернут экран объемного галопроектора. Мужчина в тюрбане, наряде буддистского священника с большим золотым распятием на груди, медленно перебирает четки. Кажется, что он находится прямо здесь в помещении и его можно потрогать рукой. Он возносит руки к небу. «Славься! – произносит он. – Дамы и господа! Я магистр всемирной церкви от имени Всевышнего и его наместника на земле – президента всемирного правительства, возвещаю вам о благословении свыше обряда самопожертвования во имя жизни вечной. Присоединившийся к всемирной церкви и уверовавший может приблизить себя к Всевышнему через благословенный обряд. Как когда-то Сын Божий принес себя в жертву за всех живущих на земле, так и ты можешь сделать это, уйдя из жизни и даруя остальным лишние: кусок хлеба, кувшин вина и крышу над головой. Уподобившись ему, да пребудешь ты с ним. В скорбный час выпавших на нас испытаний: недостатка пищи и жилья, постоянной угрозы варваров севера и изгоев нашего мира, надвигающихся льдов, церковь благословляет обряд сей. Присоединяйтесь к всемирной церкви. Подарите себе жизнь вечную в Раю ценой своей смерти. Да пребудет с вами Всевышний!»

Картина меняется.

Длинная дорога, вдоль которой стоит множество крестов. На них люди. Руки и ноги привязаны, а у кого и прибиты к перекладинам. Кто живой, кто полуживой, а кто – давно уже не живой.

«Бред какой-то! – говорит мужчина, переключая кнопку на пульте. – Давай смотреть “охоту на изгоя”».

«Почему же бред? – противится женщина. – Чем больше будет народа, тем меньше будет еды. Понимаешь...»

«Да брось ты, Эрая! Чтобы я за какого-то дебила, что не может себя прокормить, на крест полез! Ха! Вот пусть он сам и лезет, все толку будет больше. Уверен, что на крестах этих болтались, как раз такие – недоделанные. Фанатики. Но придумано умно. Нет работы, жрать нечего, мозгов не хватает, чтобы это было – лезь на крест, попадешь в Рай, где все это есть.

«Ты никогда не верил в бога, Малдрон!»

«Я верю в президента. Он знает, что делает. Смотри, началось!»

В свете лучей сотен фонариков сверху и брошенных вниз петард четко видны контуры зияющих чернотой открытых канализационных колодцев. Из некоторых поднимаются и, пригибаясь к земле, разбегаются в стороны люди в рваной одежде, небритые, грязные. Стоящие сверху с диким гиканьем бросают в них тухлые яйца, испорченное мясо и плесневелый хлеб, мусор, а кто и камни. Голос в помещении вещает: «Вот они – подземные призраки нашего города, это быдло и падшие, вонючие крысы, грязные изгои, не желающие жить по законам нашего города и мира. Они, не принявшие дара высоких технологий, печати цивилизованного человека, позволяющей быть свободным и жить в достатке. Вот они, рыщут по улицам, собирая подачки. Но мы милосердны. Мы будем кормить их, но и они должны кормить нас своей плотью. Где же охотники? Где они?» Внезапно включаются прожекторы, выхватывая из темноты подбирающих съестное оборванцев. Те шарахаются в стороны, пытаются увернуться от лучей. Но тщетно. Вот луч словно прикрепился к одному из них. Тот заметался и рванул в сторону колодца. Но на его пути, словно из ниоткуда, появляются несколько одетых в камуфляж «ночной хамелеон» охотников. Каждый держит в руке бейсбольную битку. Человек останавливается и медленно опускается на колени. Из его рук вываливаются куски подобранного прелого хлеба. Он смиренно наклоняет голову и ждет. Трое подходят к нему и начинают избивать. Человек падает, инстинктивно пытаясь защититься руками и поджимая колени к животу. Двое охотников рывком поднимают его на ноги, третий резким движением перерезает ему горло. Кровь фонтаном разбрызгивается в стороны... Народ на верхних уровнях ликует.

Костя в ужасе отпрянул назад.

– Да, – вздохнул старик, – сначала к изгоям будут относиться терпимо, но вскоре люди придумают себе такое развлечение. И – не только такое. Это лишь малая доля из того, что видел я за все то время, которое мне пришлось провести здесь. Поверь мне. Будут еще резервации для альтернатив, где будет царить полная анархия и беспредел, будут пандемии невиданных доселе инфекций, от которых будут умирать миллионы людей, животных... будет и многое другое, от чего человечество будет не в восторге. Север Евразии скует льдами. А потом – потоп. Лед начнет таять. Океанические течения изменятся. Восток Северной и Южной Америки, Англия, часть Испании, Италии, Греции, часть Турции, Израиль, Индия, Часть Китая, Австралия, Япония уйдут под воду. Паника, голод, военные диктатуры – вот что ждет человечество впереди.

– Зачем я увидел все это?

– Хм... – Старик сделал паузу. – Ты бы хотел изменить судьбу? Сделать так, чтобы среди этого хаоса был какой-либо порядок? Чтобы помочь людям бороться и выжить, сохранить цивилизацию?

– Ну-у... – Костя замялся.

– Иногда жизнь или душа не выполняет предопределенного свыше в плотном мире. Когда это происходит, жизнь не задерживается долго в Высших Сферах, куда попадает после смерти физического тела. Она возвращается обратно в плотный мир, чтобы выполнить свое предназначение. Если это происходит, жизнь после смерти возвращается на более высокий уровень Высших Сфер, где уже задерживается дольше. Это как лестница, по которой идешь вверх, все ближе и ближе к цели. И чем дольше идешь, тем медленнее передвигаются ноги. Иногда приходится останавливаться, чтобы отдохнуть. Но согласись, иногда можно оступиться и скатиться вниз. После этого опять приходится начинать все сначала. Каждой жизни при новом возвращении задается положительный потенциал, стремление к совершенствованию, к познанию сути своего «я», а через это – к познанию Вселенной. Это основная нить судьбы. Но она не одна. Человек способен совершать поступки, независимо от основной нити судьбы, иногда сходя с нее. Каждый поступок человека переводит его на другую нить, но тем не менее, большинство из них в итоге все равно ведут к основной. Но есть и предопределяющие поступки, совершив которые, человек уже никогда не придет к основной нити. Он будет идти по параллельной нити, или, что самое плохое, по уходящей в сторону или в обратном направлении. Это как паутина, молодой человек. Есть основная нить и вспомогательные. Поступки же человека определяет его воспитание, окружение, стойкость или податливость к соблазнам. Противостоять соблазнам можно. Все зависит от того, насколько крепка воля. А воля у современных людей слаба. Согласен?

– Да, – кивнул Костя.

– Судьба человечества определяется его волей. К людям применен принцип изоляции от Всевышнего. Вот каждый из вас и строит себе свою тюрьму. Каждый человек, раз оступившись и сойдя в сторону от линии судьбы, поддавшись соблазну и делая это регулярно, полагает, что в этом нет ничего страшного и – кладет еще один камень в стену своей темницы. И так регулярно: соблазн – камень. Все то, что вы называете грехом – результат соблазна. Потом, когда тело умирает, жизнь попадает на соответствующий уровень Высших Сфер. У большинства людей – в мир тонкий, где ждет его собственная тюрьма, пока несчастного не вернут обратно в плотный мир. До тех пор он будет жить в мире своих соблазнов и прихотей, но ему не суждено будет испытать их, не имея тела. Это тяжело. Это и есть муки. Представь, какие тюрьмы выстроит себе те, кого ты видел сейчас в телескоп?

– Постой, постой... – Костя задумался. – А все это, – Костя повел рукой, – это...

– Ты догадлив, молодой человек. Это моя личная тюрьма. А это мое наказание, – он кивнул в сторону телескопа. – Когда-то, в плотном мире, я очень хотел завладеть камнем судьбы, оракулом Сынов богов – посланником Ориона, не считаясь ни с чем, даже с человеческими жизнями. Но оракул был отправлен туда, откуда пришел на Землю – в бескрайний космос. Теперь я вынужден постоянно смотреть в эту чертову трубу в надежде увидеть его снова, увидеть его возвращение, сожалея о том, что так и не смог завладеть им и мучиться от этого... – Старик глубоко вздохнул.

– Я сожалею... – Костя посмотрел в глаза старика, думая, что тот плачет. – Но зачем я здесь? Ты не договорил.

– Я пригласил тебя, потому что увидел, что ты способен предотвратить хаос в плотном мире. Сплотить людей в борьбе за выживание, принеся им веру на спасение. Веру, которой сейчас уже не стало. Это – твоя судьба. Я помогу тебе сделать это, тем самым я помогу себе, заслужу прощение. Выполнив предназначенное в плотном мире, ты освободишь отсюда меня. Это невыносимо – каждый день видеть, как жизни умерших входят сюда так, как вошел ты, и уходят в эти три двери, на положенные им уровни Высших Сфер... – я же не могу уйти вслед за ними. Я выстроил свою тюрьму на перекрестке трех миров Высших Сфер: Тонкого, Огненного и Великого блаженства.

– А почему я не вижу их, эти жизни?

– Ты ни жив, ни мертв сейчас, молодой человек. Ты не можешь их видеть.

– Допустим. Так что мне надо сделать?

– Ты прошел энергетический портал, получив сильное потрясение. В результате жизнь и дух分离, но вскоре жизнь вернется в тело. Ты уйдешь отсюда, а я буду наблюдать за тобой и подсказывать, оставаясь здесь до времени. Как ты понимаешь, ты можешь слышать меня даже в плотном мире. Там я укажу тебе на одну прекрасную девушку. Ее жизнь чиста и невинна, несмотря на весь этот разврат вокруг нее. У вас должен родиться ребенок. Он и будет тот, кто спасет мир от хаоса. Тогда меня простят.

– И как вы нашли эту девушку, которую я должен встретить?

– Телескоп.

– А-а, ну да, ну да, – согласился Костя. – И когда это будет?

– Поймешь сам, а сейчас мне пора. Уже светает.

– Как вас хоть зовут, дедушка?

– Когда-то я звался Фиором... но для тебя я просто – звездочет.

Глава четвертая

Время. А есть ли оно вообще? Костя уже и не пытался считать. Звездочет говорил, что появляется тогда, когда плотный мир накрывает ночь, но появлялся ли он каждую ночь? Костя слонялся в темноте от стены к стене, спал, снова ходил, а когда появлялся старик, смотрел в телескоп, все больше убеждаясь в том, что мир, откуда пришел он, надо менять. Будущее казалось ему просто безобразным. Старик часто молчал или просто спал – это было непонятно. Косте было все равно. И вот в одно из таких появлений звездочет попросил Костю подойти поближе и взять его руку.

– Пришло время, молодой человек.

– Я ухожу? – обрадовался Костя.

– Мы уходим. – Старик откинул плед с колен и протянул Косте костлявую, трясущуюся руку. – Ты не забыл о нашем уговоре? Ты уйдешь в плотный мир, выполнишь то, о чем я просил, тогда уйду и я, через одну из этих проклятых дверей. Ты спасешь мир, а я найду успокоение.

– Нет, я не забыл.

Рука Кости протянулась навстречу.

Холод. Жуткий холод сковал Костю. Он попытался вырвать руку обратно, но не тут-то было. Старик вцепился в нее так, словно утопающий за спасателя. Костю затрясло, перед глазами все завертелось. Жуткий хохот донесся откуда-то издали, и Костю потащило, словно под лед, в прорубь, а затем...

Свет больно ударил в глаза, и, казалось, пронзил все тело насквозь.

– Выключить свет, срочно! – донеслось до Кости издали. Так слышат люди, отходящие от наркоза.

– Он приходит в себя, – раздался ближе женский голос. – Фантастика!

Свет стал тусклым, но разобрать что-либо вокруг Костя не мог. Голова кружилась, сильно тошнило и бил сильный озноб.

– Х-х-о-л-л-о-д-д-но... – прошептал Костя.

– Что он говорит? – Над Костей склонилось лицо мужчины.

– Он сказал, что ему холодно, – ответил женский голос, и через секунду на Костю положили еще одно одеяло.

– Костя, вы слышите меня? Я ваш врач.

– Да, – прошептал Костя. – Я слышу и вижу.

– Все физиологические показатели в норме. Только температура тела упала до 34 в момент, когда он пришел в себя, а теперь резко поднялась до 38,6 градусов, – констатировал женский голос.

– С возвращением с того света, – улыбнулся врач. – Можете пошевелить пальцами?

Костя попробовал. В суставах кисти появилась резкая боль.

– Молодец, получилось! – обрадовался врач. – Капельницу ему и обезболивающее.

– Да, – отозвался женский голос.

Через несколько секунд Костя увидел молодую медицинскую сестру. Она установила систему внутривенных вливаний, затем повернулась и улыбнулась приятной улыбкой.

– Все будет хорошо, Костя, – произнесла она. Улыбка не сходила с ее губ.

– А где звездочет? – хриплым голосом спросил Костя.

– Какой звездочет? – заинтересовался врач. – А-а, вы, наверное, видели сон?

– Да, наверное, – согласился Костя.

Сон, это был всего лишь сон... Может, и так.

– Какой сейчас год? – спросил Костя.

- Две тысячи девяностый.
- Значит, мне двадцать два года, – после недолгой паузы заключил Костя.
- Совершенно верно, – подтвердил врач. – Сегодня, кстати, ваш день рождения. Удивительно! – Врач погладил Костю по волосам. – Вы впали в кому и вышли из нее в свой день рождения с разницей в шесть лет. Лежите. Теперь дело пойдет на поправку.
- Мои родители?.. – поинтересовался Костя.
- Им уже сообщили. Ваше чудесное излечение отслежено камерами наблюдения. Уверен, что весь институт сейчас говорит только об этом. Я оставлю вас ненадолго. Алла последит за вами.
- Да-да, доктор, – медсестра подвинула стул к кровати и взяла Костю за руку, – можете идти.

Прошло три месяца.

Только что Костю доставил прямо к подъезду его дома новенький аэромобиль, плавно опустившись на стриженный газон.

- Прибыли, – небрежно бросил автопилот.
- Отправляйся обратно, – скомандовал Костя.

«Нет возможности. Я зарегистрирован на ваше имя директором института головного мозга. Это одномесячная благотворительная акция. Вам необходимо получить «головную улитку» в течение этого месяца, чтобы подтвердить право постоянного владения. В случае невыполнения, вы теряете право владения аэромобилем. Конец связи».

Костя медленно встал с удобного кресла. Прямо под пультом управления на полу стоял термоконтейнер. Костя откинул держатели по бокам, нажал на кнопку и сдвинул крышку. Из глубины контейнера повалил пар, сквозь который Костя явно различил горлышки бутылок шампанского.

«Вот это да!» – Костя присвистнул.

Мать ждала Костю у выхода из подъезда с распростертыми объятиями.

Через несколько часов.

Костя подошел к окну – к тому самому окну своей квартиры – и посмотрел во двор. Никакого дома. Детская площадка, как и говорил психолог. Кстати, психолог!

- Мам!
- Что, сынок? – раздалось с кухни.
- А Андрей Викторович куда не переехал?
- Какой Андрей Викторович?
- Ну папа Игоря, моего друга.

Мать вошла в комнату, держа в одной руку тарелку, а в другой полотенце. Костя повернулся. Лицо у матери было какое-то испуганно-удивленное.

– Да он... – Женщина сделала паузу. – Он спился, сынок. После того, что с тобой случилось, он сильно запил и умер год назад. Сын-то его, Игорь, даже на похороны не пришел, наркоман.

- Умер? – Костя сделал паузу. – Жаль... А Игоря где найти?
- Да зачем он тебе?
- Мам.

– Да во дворе он, на площадке детской ошивается! Они там с друзьями колются в беседке... не ходи ты к ним!

– Ладно, я быстро, мам! – Костя рванул к двери и зачем-то побежал бегом вниз по запасной лестнице, забыв о скоростном квадратном лифте, доставляющем пассажиров прямо в квартиру четырехмодульного блока каждого этажа.

В беседке, спрятанной среди густых зарослей сирени, Костя увидел того, кого хотел увидеть. Игорь полулежал на скамейке. Рукава его были закатаны. Рубаха расстегнута. Голова запрокинулась назад и вбок, он выглядел очень страшным – с закатившимися глазами. Из уголка рта стекала струйка слюны. Лицо Игоря было лицом сорокалетнего мужика, страдающего тяжелым заболеванием. Рядом на скамейке в таких же позах сидели два парня и девушка. На предплечьях четко виднелись дорожки от множества уколов. В этом мире менялось все, даже наркотики и способы их употребления, но – только не для героина.

– Игорь, Игорь! – Костя стал трясти за плечо, казалось, бессознательного человека.

– Че тебе? Не ломай кайфа...

– Это я, Костя.

– Да по мне – хоть сам президент России! – Игорь все же приподнял голову. – Костя?

– На кого ты похож, Игорек?

– Да пошел ты... Чего надо-то? Мне уже ничего не надо. Все надоело. Эта синтетическая спиртыга, бабы, парни, развлечения – все! Все приелось, нет цели, только уколиться и забыться...

– Я вернулся, Игорь. Расскажи, что нового?

– Пошел ты в жопу, Костя... – Голова его запрокинулась и глаза снова закатились.

Костя переступил через ноги сидящих в отключке тел и вышел из беседки. Он шел, куда глаза глядят. Выйдя со двора, он увидел припаркованный у края дороги полицейский автомобиль. Костя направился к нему.

– Что вам угодно? – вежливо спросил полицейский.

– Там, в парке, в беседке четыре человека. Им нужна медицинская помощь, – затараторил Костя. – Они обкололись наркотиками...

– Зачем медицинская помощь наркоманам? – удивился полицейский, но все же нажал какие-то кнопки на панели управления. – Четверо зарегистрированных наркоманов... – Полицейский перечислил имена. – Носители ручных «улиток». Центр отслеживания знает об их месторасположении и держит ситуацию под контролем. Мы не имеем права вмешиваться, пока они не наносят вреда окружающим и окружающему. Но за проявленную сознательность – спасибо. Кстати, ваше удостоверение.

Костя вытащил пластиковую карту паспорта.

– Почему не ставите «ручную улитку»? – поинтересовался полицейский.

– Поставлю, – заверил Костя.

– Хорошо, идите.

Костя развернулся и пошел прочь. Пройдя вдоль забора аллеи, Костя перешел улицу. С другой ее стороны красовалась вывеска «РЕТРОКАФЕ». Костя направился в его сторону.

– Костя, Костя, – вдруг раздалось сбоку.

Костя медленно повернулся. В десяти метрах от него стоял Коля. Отличник из параллельного класса, с которым Костя когда-то учился.

– Николай... Колька! Тебя не узнать!

– Привет, Костян, сколько лет, сколько зим! Ты тоже изменился.

– Шесть, Коля! Меня не было шесть лет!

Два человека обнялись посреди дороги.

– Ты как, Кость? Говорили, что ты загремел в больницу в коматозном состоянии. Даже в какой-то газете о тебе статья была. Мы, помню, всем классом читали.

– Долго рассказывать, Коля...

– Отлично, – Коля широко заулыбался, – тогда приглашаю тебя на вечеринку по поводу окончания мной академии. Сегодня в 22.00, на даче моего папаши. Помнишь дорогу?

– Помню. Буду обязательно.

– Ну давай, бывай! – Николай хлопнул Костю по плечу.

– Подожди! – Костя схватил Николая за руку. – Коль, что такое «ручные и головные улитки»?

– А, это просто убойная вещь! – Николай оживился. – Пять с лишним лет назад Россия начала воплощать в жизнь программу всемирного микрочипирования населения. Микрочипы – удостоверения личности, прозванные в народе «улитками» по первым буквам и сходству с турбоспиральными раковинами улиток, типа конуса с тремя спиральными завитками, расширяющимися от вершины к основанию. Теперь вживлены почти 50 % россиян в отличие от Европы и Америки, где «улитками» пользуются поголовно. В России всегда все происходит с трудом. Люди с «улитками» теперь пользуются большими привилегиями, в отличие от тех, кто до сих пор имеет электронные паспорта, а тем более – от тех, кто еще носит в кармане старый, бумажный паспорт. Позволить себе «улитку» могли сначала только очень состоятельные люди. Это было дорогим удовольствием. Но потом это стало по карману практически всем. Соц. службы ЦОР предоставляли услугу сначала в рассрочку, а затем и бесплатно. «Улитка» – маленький прибор, сконструированный на основе достижений молекулярно-генетической инженерии и нанотехнологий, вшивается под кожу правого запястья. – Николай показал Косте маленький рубчик. – Ее структура наполовину органическая, обладает практически полным сродством к генотипу хозяина, а материал каркаса, из которого она сделана – аллергичный, поэтому улитка не отторгается. В кровь вводятся специально созданные наночастицы – роботы, обслуживающие «улитки» технически. Таким образом, поломки полностью исключаются. «Улитка» на запястье позволяет быть отслеживаемым в любой точке земного шара через сеть воспринимающих антенн, которые ретранслируют сигнал на спутники. Она подает постоянный сверхчастотный сигнал, который не может воспринять человеческий слух. То есть я всегда под контролем центра отслеживания России – «ЦОР». Питается она слабыми токами биополя. В ней хранится информация о социальном статусе и доходах, месте проживания, месте нахождения, медицинская анамнестическая информация, состояние фактического здоровья и много всякого другого. С ее помощью можно делать необходимые покупки и пользоваться различными услугами. Стоит только поднести запястье к считывающему устройству – и деньги списываются со счета в банке автоматически. Совсем другое дело – вторая «улитка». Она устанавливается куда-то в ствол головного мозга путем несложной операции, и служит ретранслятором мыслей. Технологическая телепатия – одно из последних достижений науки.

– Не понял, как это? – Костя был поражен. Еще шесть лет назад он не слышал ничего подобного.

– Это очень сложно, Костя, но объяснить попытаюсь. Улитка разрушает какие-то естественные информационные блоки, воздействуя на промежуточные звенья между древними структурами мозга, способными воспринять мысли на расстоянии и корой головного мозга, а так же другими структурами высших нервных центров, ответственными за сознание. Именно череда этих промежуточных звеньев блокирует сигналы извне: мысли и другую био- и космическую информацию. До сих пор целенаправленно передать мысль на расстоянии другому человеку могли только медиумы, путем погружения человека в гипнотический сон или близкое к нему состояние и последующего внушения мысленной информации. А теперь эта «улитка», созданная ученым Гроссом, позволяет делать это людям без экстрасенсорных способностей. Действуя на уровне древних мозговых структур, улавливая принятую от другого человека мысль, она доводит ее до сознания посредством блока промежуточных звеньев, гасящих принятую информацию. Что-то типа локального гипноза. При этом сознание не выключается, как

при стандартном гипнозе. Остается только мысленно ответить. Мысленный разговор соответственно записывается в память головным мозгом.

– Но так же можно с ума сойти! – возразил Костя. – Вдруг тебе начнут передавать мысли сразу несколько людей? Или начнет поступать посторонняя информация из космоса или еще откуда?

– Исключено. Как бы тебе это объяснить... я и сам, честно говоря... Ладно, попробую. После установки «улитки» человек кодируется под глубоким гипнозом на восприятие мыслей от того или иного абонента. Кодом или ключом может быть любое слово или сочетание слов или цифр. Этот же код вкладывается в память «улитки». Дальше все просто. Связываешься с абонентом по ипкому в любом режиме, называешь кодовый ключ и все – можно передавать человеку мысли. Мозг, приняв код, будет готов к получению мыслей от конкретного человека, а «улитка», приняв код, доведет их до сознания. Никто не сможет подслушать. Просто и эффективно. Вот бы занять такую...

– Так-так, подожди... – Костя почесал лоб. С головными более-менее понятно. А ручные? Это что, значит, в туалет пойдешь, а о тебе все знать будут, кому надо и не надо? Где ты, что делаешь и с кем – все это кто-то отслеживает?

– Да какая разница! Ты же не видишь оператора. Пусть себе смотрит на твою задницу. Никто другой кроме него этого сделать не может. Это во благо, понимаешь? Центр отслеживания России – ЦОР – наблюдает не только за мной. Они следят за больными, наркоманами, выпущенными на волю преступниками, ну и еще за кем-нибудь. Это прорыв, Костян, прорыв! Жить стало не страшно и удобно. Делай, что хочешь. Свобода! Случись с тобой что – помощь придет незамедлительно.

– Да, понятно... спасибо, Коля! Но вот у меня нет никаких «улиток», как мне поесть в кафе? – Костя кивнул на вывеску.

– Не дрейфь. Деньги пока принимаются. Программа микрочипирования рассчитана еще на пятнадцать лет. Затем «улитки» будут ставить принудительно, по достижении 16 летнего возраста. Вообще, уже сейчас не иметь ее – непрестижно.

– Ладно, Коля, спасибо. Ты, я вижу, спешишь?

– Ага, к пирушке подготовиться надо. Ну так что, я жду?

– Буду, обещаю!

Друзья пожали руки и разошлись в разные стороны.

«Правильно, – раздался в голове Кости знакомый скрипучий голос. – Правильно. Она будет там».

– Звездочет? – прошептал Костя.

«Да, это я. Помнишь уговор?»

– Помню, – прошептал, все еще не веря услышанному голосу, Костя. – Так это был не сон...

Глава пятая

Тишина. По-другому и быть не могло. В родильном блоке этого крыла репродуктивного центра давно уже никто не рожал. Естественные роды теперь считались чем-то вроде экстремального развлечения. Тишина.

Настя не знала, зачем она решилась на это. Она лежала на удобной медицинской кровати, парящей над полом, как их тут называют – «комбикойке», и пыталась осознать свое спонтанное решение. Под ее поясницей беззвучно работал вибромассажер. Поверхность кровати постоянно менялась, становясь местами то твердой, то мягкой, то выпукло-вогнутой, то плоской, заставляя тело изменять положение. Иногда кровать наклонялась в стороны или покачивалась, имитируя легкую морскую качку. И это нисколько не раздражало. Наоборот, создавало чувство полного комфорта. Облегающая розовая рубашка, в которую Настя переделалась в приемном отделении, была практически невесомой, как и одеяло, которым Настя была накрыта. Тело не чувствовало их и создавалось впечатление, будто лежишь обнаженная и незащищенная. Настя посмотрела на свою одежду и улыбнулась. Почему розовая? Она не знала, что именно в этой одежде и было все дело. Нет, не в цвете, конечно. Неизвестная Насте ткань содержала в себе тысячи чувствительных контактных нитевидных датчиков, отслеживающих различные физиологические показатели, начиная с пульса, сердцебиения и заканчивая уровнем мышечного напряжения и усталости, а так же состояние плода. Именно этот комбинезон передавал дистанционные сигналы с отслеженной информацией на палатный монитор, а тот был связан с центральным пультом и с комбикойкой. Повинуясь его приказам, кровать трансформировалась. Кроме всего прочего, ее ручная улитка постоянно передавала информацию о состоянии здоровья в центр отслеживания, а тот, в свою очередь, на центральный пульт репродуктивного центра. Но Настю совершенно не волновали эти технические премудрости. Хватало того, что было тепло и комфортно. Она думала о том, зачем она на это решилась? Роды. Такое короткое, но в то же время волнующее и емкое слово. Может быть, она подсознательно захотела причинить себе страдания из-за своей глупости, совершенной тогда, девять месяцев назад. Наказать себя за ту неосмотрительность и легкомыслие. Настя погладила себя по животу. Дети. Она давно знала, что у нее будет двойня. Два мальчика – однойцевых близнеца. Всю беременность она испытывала к ним противоречивые чувства. С одной стороны: она любила их, еще не рожденных, но ставших уже такими родными. С другой стороны: она ненавидела их, зачатых в страсти и выношенных в одиночестве, жалости к себе и обиде на сгинувшего отца и всех мужчин вместе взятых. А может быть, она просто боялась того, как она будет одна, с детьми?..

Настя закрыла глаза и предалась воспоминаниям.

Это была самая обычная студенческая вечеринка со всеми положенными ей атрибутами: загородный дом одного из студентов, теперь уже бывших, подаренный ему его состоятельным папой – бизнесменом привилегированного класса. Соевый шашлык на природе, синтетические коктейли, легкие наркотики, танцы до темноты, легкий флирт, переходящий в петтинг где-нибудь в кустах, периодические походы возбужденных гетеро- и гомосексуальных парочек в комнаты огромного дома и их возвращение оттуда через некоторое время в блаженно-расслабленном состоянии, пошлые песни заплетающимися языками у костра. В общем, все было как обычно. И так продолжалось до тех пор, пока не появился он. Настя, которую за глаза все звали «колючкой» или «недотрогой», была противницей таких сборищ. Она никогда не ходила на шумные тусовки, не встречалась с молодыми людьми и девушками, что стало модным. Ее немногочисленные подруги постоянно подсмеивались над ней из-за того, что в свои 22 она еще была девственницей и не попробовала всех прелестей плотской любви ни с мужчиной, ни с женщиной. Они смеялись, когда Настя в разговоре называла все это странным и давно забы-

тым словом «разврат». Но эта вечеринка была особенной, и не пойти на нее Настя не могла. Окончание Академии Культуры бывает один раз в жизни.

Он не был студентом, и хозяин дома представил его как своего давнишнего друга. Звали его Константин. Он был молод, что-нибудь около двадцати трех или пяти, по-мужски красив, широкоплеч и одет неброско и аккуратно. Далеко за полночь он подлетел к дому на своем ультрасовременном аэроавто, что, несомненно, говорило о том, что Константин – один из немногих представителей элиты – носителей «головных улиток».

Настя, сидящая за столиком, заставленном бутылками, заинтересованно смотрела на подошедшего в сопровождении хозяина дома молодого человека. Впрочем, не одна она. Шумная компания за столом притихла. Даже полупьяные певцы у костра на некоторое время замолкли. В воздухе повисла неловкая пауза.

– Константин, – мягким голосом представился молодой человек. – Николай, – он слегка кивнул на стоящего рядом и улыбающегося хозяина дачи, – любезно пригласил меня на ваш праздник. Я рад оказаться в столь милой компании. – Константин широко улыбнулся.

– Это Иван, это Роберт... – начал представлять Николай все еще молчащих студентов-выпускников. – Это Настя...

Константин посмотрел на Настю и еле заметно поклонился, что смутило ее. До этого он просто кивал головой.

– Хорошо, хорошо, Николай, – перебил его Константин. – Позволь мне самому со всеми познакомиться. До утра еще много времени.

– Как знаешь, – с ноткой обиды бросил Николай. – Располагайся.

– Нет, друг мой, сначала маленький сюрприз. Кто мне поможет? – Константин посмотрел на сидящих за столом как-то с хитрецей.

– А чего делать-то? – поинтересовался Роберт.

– Надо кое-что принести из машины. Один я не справлюсь.

– Хорошо, – Роберт пожал плечами, – пойдем, помогу.

Константин и Роберт ушли к стоящему в 20 метрах аэроавто.

– Ты видела, Насть, – толкнула девушку в бок Анжела, – это же крутой, из элиты. Наверняка у него в башке улитка между извилинами... сидит и гадит! – Анжела рассмеялась.

– Ага, – подтвердил Олег, на чьих коленях сидела Анжела, – чего его сюда занесло? Мы же для них – быдло.

– Да ладно вам, – перебил Антон, – откуда нам знать? Может, он нормальный мужик. Какая разница, что элита.

– Конечно, нормальный, – съязвила Анжела, – для тебя все нормальные, особенно когда сзади тебя имеют.

– Пошла ты, – огрызнулся Антон. – С кем хочу, с тем и сплю.

– Да ладно вам, ребята, чего вы взъелись-то? – бросил Николай. – Вон они чего-то тащат. Через минуту на столе стоял объемистый термоконтнер. Роберт уселся на свое место.

– Ну что ж, – торжественно произнес Константин, – откроем ларчик. Он откинул два затвора по сторонам ящика, нажал кнопку на крышке, и та легко откинулась в сторону. Из ящика повалил пар. Сидящие за столом даже привстали с мест. – А вот и она! – Константин резко достал из ящика толстобрюхую бутылку, покрытую капельками воды.

– Шампанское! – воскликнула Анжела и вскочила с коленей Олега. – Настоящее шампанское!

– Точно, – подтвердил Константин, – разбирай.

Такого никто не ожидал. Достать бутылку шампанского, да и вообще чего-нибудь на основе спирта, а не химии, было практически невозможно. А здесь – целый ящик!

– Кстати, зовите меня просто – Костя, – сказал Константин и отошел от стола.

Через несколько секунд ящик опустел. Все были довольны. Костя сидел на краю стола и неотрывно смотрел на Настю. Все в этой девушке нравилось ему. Ее правильные черты лица с чуть вздернутым носиком, огромные серо-зеленые глаза, каштановые волосы, нежные плечи. Та чувствовала его взгляд и старалась не смотреть в его сторону. Что-то непривычное творилось в ее душе.

– А что, Костя... – Роберт выпустил тоненькую струйку дыма из сомкнутых дудочкой губ. – Хорошо ходить с «улиткой» в голове? Правда, что она передает мысли на расстоянии?

– Какой «улиткой»? – Костя отвел взгляд от Насти. – Вы чего, ребята! Нет у меня в голове никакой «улитки». Да и здесь тоже. – Костя поднял рукав и продемонстрировал всем свое запястье.

– Ого! – оживился молчавший до этого Иван. – Так ты чего эту тачку, спер, что ли? – Он указал на аэромобиль.

– А, вот вы о чем, – выдохнул Костя. – Так мне ее подарили.

– Ни хрена себе подарочки! – воскликнула Анжела. – Мне бы такой подарочек, да, Олечек? Прикинь, как бы мы с тобой трахались на бреющем полете. – Анжела стала подпрыгивать на коленях Олега, разведя руки в стороны, словно крылья, и затаив громкое у-у-у-у-у.

– Ага, – стал развивать тему Роберт, – а автопилот за вами подсматривал бы и мастурбировал.

– Да не, – вставил Антон, – они бы групповушку устроили.

Сидящие за столом засмеялись. Настя украдкой взглянула на Костю. Ни тени улыбки не было на его лице. Видно, эти пошлые шуточки не производили на него положительного впечатления.

– Кость, – сзади подошел Николай, – расскажи, что с тобой было-то? Прикиньте, ребята, Костик шесть лет в коме провалялся, да, Костян? – Николай хлопнул Костю по плечу.

Заинтересованные взгляды сидящих за столом устремились к Косте. Даже совсем было разошедшаяся Анжела, уже снявшая блузку и мотающая грудями из стороны в сторону, остановилась в своем порыве продемонстрировать имитацию секса в полете.

– Это правда, – серьезно произнес Костя. – И этот аэромобиль мне подогнал директор Института Головного Мозга. Я только не понимаю – за что?

– Ха, за что! – воскликнул Иван. – Да на тебе же, небось, не один человек докторские настроил. Ты же для них был, что мышь лабораторная. Еще неизвестно, что они с тобой делали, пока ты в отключке был...

– Может, этот директор тебя пользовал потихонечку? – вставил Антон.

– Да заткнись ты, ошибка природы, – воскликнула Анжела. – У тебя одно на уме!

– Да хватит, ребят! Расскажи, что чувствовал? – попросил Николай.

– Говорят, что когда в кому впадаешь, виден белый коридор? – спросил Роберт.

– Не знаю, как насчет коридора, а вот тюрьму я видел. А в той тюрьме заключенный – звездочет... – Костя смерил взглядом сидящих за столом. Все смотрели на него с интересом. – У него был странный телескоп, в который можно было увидеть будущее. Я смотрел.

– И что, что там? – вырвалось у Анжелы. – Она снова натянула свою блузку, поняв, что на нее никто не обращает внимания.

– Да ничего хорошего, – спокойно ответил Костя. – Только войны, болезни, голод, холод и боль. Костя рассказал увиденное им в телескоп со всеми подробностями, опустив подробности своего договора со звездочетом.

Молчаливая пауза длилась около трех минут. Николай, Олег, Антон, Анжела, Иван и Настя кидали в сторону друг друга виновато-стыдливые взгляды. Роберт положил под язык пластинку легкого наркотика, закатил глаза и громко произнес:

– Брехня это все!

– Не знаю, не знаю... – вставила Анжела, слезая с колен Олега и садясь с ним рядом. – Может, и брехня, а страшно как-то. Холод, люди, поедающие трупы...

– А эта, как ее... – Иван задумался. – Ловля изгоев! – просто жуть какая-то...

– Ну нам не грозит ими быть. У нас «улитки» есть, да и потом, это же будущее, – вставил Роберт. – Хотя мне жаль этих изгоев. В чем они виноваты-то?

– Нам-то не грозит, – подхватила Анжела, – а нашим детям? Взбретет в голову блажь «улитку» не ставить. Правда, и мне изгоев жаль... Ведь наши дети или их потомки микрочипированные над этими изгоями и будут издеваться.

– Да... – вздохнул Николай, – «улитки» через пятнадцать лет будут принудительно ставить, непонятно только – откуда эти изгои будут браться?

– Изгои, – задумчиво произнес Антон, – по сравнению с тем, что я услышал – мы, геи, просто в шоколаде. Многие подсмеиваются, но не трогают.

– Да что геи, просто вокруг посмотрите, – произнес Николай, – «бабки» – смысл жизни, наркота, пьянство и разврат кругом, – как Настя говорит, – что на улицах, что по «телеку», что в прессе; скоро действительно будем голышом по улицам ходить и трахаться где попало и с кем попало.

– Ну тебе-то это не грозит, голышом ходить, – вставила Анжела, – показать-то нечего. Она, было, засмеялась, но ее никто не поддержал.

– Противно, – вставил Олег. – Противно, что мы ничем не отличаемся от тех, про кого Костя рассказал. Разве что человечину не жрем да в сортирах запираемся, когда нужда, а так...

– Это точно, – согласился Роберт. – Честно скажу, как на улице бомжа увижу, так и хочется ногой пнуть, но брезгую. А подумать – в чем он виноват? Да что там бомжи! Тех, у кого «улитки» нет, мы уже за людей не считаем. Так, низшее сословие для грязных работ. Что, не так что ли? Я тебя не имею в виду, Костя. «Улитки» для нас – это гарантия защиты и свободы. А свободны ли мы? Все время под колпаком центра отслеживания. Вот он – свободен, – Роберт кивнул на Костю и посмотрел на свое запястье, где имелся маленький рубчик.

– А церковь! – вставил Олег. – Мать моя – верующая. Приходит домой и плачет. Я один раз спрашиваю: «Чего случилось-то?», а она говорит: «Грех-то какой, прямо у храма с лотка порнухой торгуют». А там, в будущем, кресты, самопожертвование, прямо мороз по коже. Ты-то чего молчишь, Насть?

Настя обвела всех взглядом, на секунду задержав его на Косте.

– Да я просто в шоке, ребята, я просто не узнаю вас.

– Да, – вздохнул Иван. – Вот тебе и Академия Культуры. Где она, культура?

– Эй, вы! – Из дверей дома вывалилось трое: два парня и девушка.

– Нам для групповушки народа не хватает! – крикнул один из парней.

– Что и требовалось доказать, – заключил Роберт. – Пошли вы! – бросил он громко.

– А это кто? – трое подошли к компании, девушка указывала на Костю.

– Константин, – представился он вставая.

– А ты хорошенький. Я Света, а это Андрей с Виталькой. Чего вы здесь приуныли? – Она взяла со стола бутылку химического вина и сделала булькающий глоток из горлышка.

– Да ничего, – тихо произнес Игорь, – без вас тошно. Где, кстати, Карина?

– Да там она, визор смотрит. Я мимо проходила, там какой-то мужик с серьезной мордой вещает о какой-то вселенской экологической катастрофе. Что-то там насчет надвигающегося всемирного оледенения или ледникового периода и потопа... Она же у нас чудная, новости не пропускает. В гуще событий, говорит, должна вертеться. Надо, говорит, это начинающему журналисту.

Но ее уже никто не слушал. Все повскакивали с мест и рванули в сторону дома.

В студии сидели двое: журналист и академик Академии Наук России.

– Так вы утверждаете, – уточнял журналист, – что резкое изменение климата, ожидающее нас вскоре, имеет непосредственное отношение к глобальному океанскому конвейеру – течению по сложной замкнутой кривой через все моря и океаны Земли?

– Совершенно верно! – Академик поправил очки и откинулся на спинку стула. – Это течение согревает значительную часть северного полушария, унося на север теплые тропические воды и принося оттуда в тропики холодные массы воды. Достигая Исландии, это поверхностное течение отдает в атмосферу тепло на севере, за счет которого в Европе поддерживается умеренный климат. Далее остывшая вода опускается на дно, – холодная вода плотнее теплой, – и именно это ее вертикальное перемещение задает ход всему «конвейеру», переносящему теплую воду на север, а холодную – на юг.

На экране появилась простая схема типа колеса.

– И что, что-то может измениться?

– Уже изменилось! Это отметили все гидрометеоцентры в мире. Глобальное потепление привело к таянию большого количества льда, образовавшаяся холодная пресная вода перемешивается с теплой соленой водой, приносимой течением. Поскольку пресная вода имеет меньшую плотность, получающаяся в итоге тепловатая и солоноватая смесь не опускается на дно – таким образом препятствуя действию силы, движущей «конвейером». Последствия отмечаются уже сейчас. Они стремительны и в прогнозе – катастрофичны. Тепло перестает поступать к северу Европы и восточному побережью Северной Америки. Может случиться так, что эти земли вскоре станут заброшенными из-за холода. Кроме того, течения океанов могут измениться, что, возможно, приведет к затоплению территорий некоторых стран.

– Но ведь это происходило и раньше. Лед таял, но ничего не изменялось.

– Как показывают нам ледяные океаны, быстрое изменение климата на планете наступит в ближайшие 15–20 лет.

– Пятнадцать лет... Разве изменения климата не тянутся столетиями?

– Нет, это будет происходить резко и процесс уже пошел. Представьте себе ситуацию, когда человек держит палец на кнопке выключателя электрической лампочки и медленно-медленно на нее нажимает, вдруг – щелк! – выключатель срабатывает, и зажигается свет.

– Вы хотите сказать, что этот щелчок произошел?

– Да, может быть, это была одна из множества капель, падающих в воду с тающего айсберга. Капля холодной пресной воды приведет к экологической и экономической катастрофе.

– Уместен вопрос: как вы предполагаете нашу жизнь в будущем?

– Мир уже не будет таким, к какому мы привыкли. – Академик кашлянул в кулак. – Это будет нечто иное.

– И что же?

– Разрушенная экономика, войны, военная диктатура, холод и голод. Миграция населения с севера на юг будет способствовать этому.

– Вы сказали – войны? Еще и это?

– Когда-то, в начале XXI века, уже была миграция исламского населения в Европу. Толерантная Европа приняла сотни тысяч беженцев, при этом ослабнув и став рынком сбыта для товаров из Китая и США. А потом война между этими двумя сверхдержавами, в том числе и на территории Европы, за эти самые рынки. Европейцам некуда было деться. Они привыкли к достатку, живя в потребительском обществе. Многие увидели спасение в России, и она открыла объятия для братьев-христиан. Это в прошлом. Но когда Европу и Россию скует холодом, появятся тысячи, миллионы беженцев, стремящихся к теплу. Их потоки хлынут на юг, в сторону исламского мира. Но он, в части своей, не так толерантен, как когда-то старушка Европа. Начнутся войны за территории, войны за ресурсы и, в том числе, войны на религиозной почве. Города на севере будут вымирать. Придет разгул анархии и мародерства. Милли-

оны погибнут. История мира – это история войн, а тут на карту будет поставлено выживание народов. Увы, таковы признаки предстоящей нам реальности, по моему мнению.

Началась реклама.

– Вот тебе и брехня... – в полной тишине шепотом произнес Николай.

– Что делать-то теперь? – Все посмотрели на Костю. Только троица не участвующих в разговоре за столом во дворе пыталась пошутить по поводу только что услышанного. Но их никто не слушал.

– Думаю, что всем нам надо что-то менять, – сказал Костя тихо и посмотрел на Настю.

Она тоже смотрела на него и в тот момент, когда их взгляды пересеклись, Костя понял – он никогда, никогда не расстанется с ней.

Глава шестая

Вечеринка, так прекрасно начавшаяся, закончилась так неудачно. Юноши и девушки разбрелись по комнатам, тихо перешептываясь и временами косясь в сторону Кости. В эту ночь никто не спал. В комнатах, наедине со своими возлюбленными или друзьями, разгорелись жаркие споры о том, что можно предпринять, чтобы спастись от надвигающейся беды. Карина, Костя и Настя остались в холле. Они сидели и тупо смотрели в визор, по которому шла комедия.

– Пойду я, – произнесла Карина, вставая, – фигня какая-то по визору идет. Сначала напугают, блин, а затем рассмешить пытаются. – А вы чего, так и будете здесь сидеть?

Костя и Настя синхронно пожалы плечами.

– Ну как знаете... – Карина зашагала в сторону лестницы, ведущей наверх к спальням.

– Спокойной ночи, – сказала вслед Настя.

– И вам того же, наслаждайтесь началом конца света.

На экране появилась заставка экстренного выпуска новостей.

Диктор вещал с экрана: «В связи с создавшейся ситуацией и грядущей экологической катастрофой на планете, ООН выдвинула предложение создать мировое правительство во главе с единым президентом. Это логичный ход. В мировое правительство войдут руководители всех стран Земного шара. Совместно будут выработываться решения о принятии мер по предотвращению последствий изменения климата на Земле. Уже сейчас понятно, что главными вопросами будут: регулирование миграционных процессов, создание пищевой и питьевой базы. 10–15 лет отпущенных нам, вполне достаточны для планомерной работы по этим двум направлениям. На пост президента мирового правительства предлагается одна кандидатура (на экране появилась фотография человека лет тридцати пяти с редкой бородкой-испанкой, вьющимися, ниспадающими до плеч черными волосами, красивыми темно-кариими глазами, излучающими доброту). Это Армилий Гросс – общепризнанный глава мировой науки. В научных кругах ходит мнение, что этот выдающийся ученый – умнейший из всех, кто когда-либо жил, превосходящий всех гениев человечества, произведший переворот во многих научных дисциплинах. Уже к тридцати трем годам он стяжал себе славу человека, способного молниеносно охватить мыслью сложнейшие научные и трансфизические проблемы. Армилий Гросс обладает, по словам коллег и знающих его лично людей, сверхчеловеческой работоспособностью, беспримерной разносторонностью дарований и добротой к людям, уже стяжавшими ему наивысший авторитет в глазах человечества. А его программа всемирного микрочипирования населения земного шара именно теперь станет как никогда актуальной в связи с грядущими великими переселениями. Скоро будет объявлено всемирное голосование.

Костя выключил визор.

– Все полисы и все в мире будет подчиняться ему – так говорил Звездочет. Непонятно одно. Я видел неблизкое будущее... он что, бессмертный, что ли?

– Ну почему же, Костя? Наверняка он будет переизбираться... а может, следующим президентом будет его сын, – предположила девушка.

– Ты права. Я об этом не подумал. Настя...

Костя развернулся на крутящемся стуле и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Что?

– Да так, ничего... – Он отвел взгляд в сторону, пытаясь придумать, как продолжить разговор, но это сделала за него девушка.

– Ты какой-то необычный, Костя.

– Почему?

– Не знаю. Ты появился – и все пошло кувыркком. Как будто заранее кем-то был написан сценарий, а ты в нем – главный действующий герой.

– Мы. – Костя улыбнулся.

– Мы... почему?

– Мне так кажется. – Костя пытался не смотреть в ее сторону.

– Знаешь, Костя, ты не такой, как все. Чем ты занимаешься?

– Ничем. Я же рассказал: я три месяца как из больницы.

– Ах да, прости... – Девушка встала и подошла к Косте вплотную. – Бедный... – Она положила руку ему на волосы.

Костя вздрогнул и посмотрел на девушку снизу вверх. Затем снял ее руку и прижался губами к ее пальцам. Настя громко вдохнула и затаила дыхание. Костя стал осторожно целовать ее ладонь, запястье.

– Нет... – Девушка вяло высвободила руку. – Не здесь... боже, что я говорю!

– Настя! – Костя встал. Их глаза оказались друг против друга. – Я знал... – Он осекся. – Я должен был приехать, но я не думал... в общем... – Костя отвел глаза.

– Что, Костя? – Девушка сама взяла его за руку. – Я тебя не понимаю.

– Я думал, такого не бывает. Но ты... ты... ты... такая!

– Пойдем, – Настя потянула его за собой. – Ты мне расскажешь все наверху.

Костя легко поддался. Они быстро поднялись по лестнице. За дверями закрытых комнат были слышны разговоры. Наконец они нашли комнату, где было тихо. Костя зажег свет. Это была уютная спальня. Двухместная кровать с периной, покрытая атласной светло-голубой тканью. Пара тумбочек с ночниками, шкаф-купе в углу. Обычная спальня в стиле «ретро». Костя прошел к окну и, отодвинув голубые занавески, распахнул его настежь. Повернувшись, он остолбенел. Настя стояла возле кровати. Ее красное платье упало к стройным, белым ногам. Девушка стыдливо прикрывала груди и лобок руками.

– Настя! – выдохнул Костя.

Девушка опустила руки вниз и внимательно посмотрела на Костю, словно пытаясь разобрать в его глазах ответ на вопрос: а не ошибаюсь ли я?

– Иди ко мне, – тихо сказала Настя и села на край кровати, предварительно поправив несуществующие на покрывале складки, словно смахивая крошки.

– Настя... я люблю тебя! – выдохнул Костя и ринулся в сторону девушки.

Он упал ей в ноги и стал покрывать поцелуями сдвинутые и слегка вздрагивающие колени. Девушка застонала и откинулась назад. Костя встал и начал быстро срывать с себя одежду, путаясь в рукавах и штанинах.

– Ты еще и смешной, – вдруг сказала Настя. – Выключи свет.

– Да, Настенька.

Свет в комнате погас. Едва заметное поскрипывание кровати и шуршание простыней. Едва различимое и все учащающееся и усиливающееся дыхание, становящееся временами прерывистым, словно кому-то из двоих не хватает воздуха. Слабый стон девушки и следующий за ним тихий, нежный шепот. Воздух словно раскалился и наполнился неповторимым любовным ароматом человеческих секретов. Вскоре стоны, еще громче, краткий вскрик девушки, тишина.словно оборвалась натянутая струна, только что издающая неистовую музыку. Оборвалась, но музыка еще звучит некоторое время где-то в голове, угасая. Тихие слова девушки: «Не бойся, глупенький, так положено, так надо, мне не больно, мне так хорошо с тобой». Снова осторожный скрип кровати, стоны, стоны, переходящие в крики девушки и рычащий выдох мужчины. Тишина. Шелест листвы деревьев за окном, выплывающая из-за облаков огромная белая луна.

– Настя, Настенька! – Костя приподнялся на локте, пытаясь разглядеть в бледном лунном свете лицо девушки, ее глаза, чтобы что-то прочесть в них. Может быть блаженство или благодарность? Но глаза закрыты. – Настя.

Губы ее слегка пошевелились и через секунду глаза распахнулись. Резко. Так, что Костя даже отшатнулся.

– Можешь идти, – не своим голосом произнесла девушка. Черты ее лица вдруг стали хищными.

– Настя, я не понял? – Костя удивленно посмотрел на девушку.

– Пошел вон, щенок! – Девушка резко села, толкнув Костю так, что он чуть было не упал с кровати.

– Ты что, Настя, я сделал тебе больно?

– Ха-ха-ха-ха-ха! – рассмеялась Настя. Костя узнал этот смех. – Пошел вон, спаситель мира! – Снова этот противный старческий смех. – Ты ничтожество, такое же, как все окружающие тебя. Человечество, ваш срок пришел! Иди и присоединись к нему.

– Звездочет? – Костя вскочил с кровати и стал судорожно одеваться. – Ты же сказал, что наш с нею сын... а потом ты спасешься, уйдя за дверь... что я...

– Ты прекрасно выполнил работу. Я соврал, да. Что с того? Я делал это бессчётное количество раз. Я обманывал людей в тысячи раз умнее тебя!

Девушка встала на кровати во весь рост.

– Ты взял меня с собой, уходя в плотный мир из моей призрачной тюрьмы с этим трижды проклятым телескопом! – Глаза ее горели. – Наши энергии слились, ты не понял этого. Теперь ты освободил меня, и я обладаю этой женщиной. Проваливай, а то...

– Скотина! – бросил Костя.

Смех, дикий смех был ему ответом.

Костя не помнил, как очутился на улице. Он бежал, позабыв про автомобиль, бежал, пока не выбился из сил, упав посреди дороги и несколько раз перекувырнувшись. Но мысль, вдруг вырвавшаяся из глубины подсознания, придала сил. «Я убью тебя, Звездочет!» – подумал Костя и рванул обратно, забыв про усталость. Вскоре он взбежал по лестнице, прихватив с собой нож из кухни. Дверь распахнулась. Костя подбежал к кровати и сорвал одеяло. Девушка сладко потянулась и открыла глаза. «Костя, куда же ты ушел? – прошептали ее губы ласково. – Иди ко мне, любимый...»

Глава седьмая

Рука Кости с зажатым в кулаке ножом вздрагивала. На лбу выступили капельки пота.

– А зачем тебе нож, милый? – Настя улыбнулась. – Ты хочешь напугать меня? Ты действительно странный...

– Я убью тебя, – выдавил Костя. Рука его дрогнула, но остановилась.

– Ну хватит шутить, милый... Считай, что ты меня развеселил. И потом, мне холодно. – Настя потянула на себя одеяло и улыбнулась.

Рука Кости безвольно упала. Нож гулко ударил об пол и покатился под кровать. Костя сел рядом с кроватью и обхватил голову руками. Почему это происходит со мной, Господи? Почему?

– Костя, ну что же ты? – настаивала девушка.

– Забудь все! – Костя решительно поднялся. – Ничего не было, и быть не могло. – Костя быстро пошел в сторону двери. Остановился в проходе. Резко повернулся: – Ты чудовище! – бросил Костя девушке.

– А я-то думала, ты влюбился в меня! – Настя вскочила с кровати. – Ты такой же, как все! Я доверилась тебе, а ты... ненавижу тебя, уходи! – По щекам девушки потекли слезы. – Уходи и больше не появляйся в моей жизни!

Костя развернулся и, громко хлопнув дверью, быстро пошел в сторону лестницы. Девушка бросилась на кровать и, уткнувшись в подушку, безудержно зарыдала.

Настя вздрогнула. Она почувствовала, что что-то происходит там, внизу огромного живота. Появились слабые позывы к мочеиспусканию. Настя завертела головой по сторонам, ища, кто бы помог ей дойти до туалета.

Дверь палаты распахнулась и к комбикойке стремительно подошла акушерка.

– Не волнуйтесь, через 10 минут у вас начнут отходить воды. Вас необходимо перевести в стерильную палату, во избежание инфицирования во время безводного периода. Схватки начнутся предположительно через 1 час 35 минут.

– Что я должна делать?

– Ничего, лежите. – Акушерка взялась за спинку комбикойки и толкнула. Та неожиданно легко поддалась и поплыла по воздуху, несмотря на свои размеры. – Все будет хорошо, – увещевала акушерка парящую на кушетке по коридору Настю.

Настю разместили в светлой палате, сменив нательное и постельное белье в специальном шлюзе. Не успела акушерка завести ее в палату, как Настя почувствовала тепло и сырость между ног.

– Кажется, началось, – неуверенно сказала Настя.

– Ничего, ничего, я перестелю, – засуетилась акушерка.

Напряжение в животе стало потихоньку спадать. Акушерка знала свою работу. Воды отошли в подставленную акушеркой резиновую емкость с широким пластиковым кольцом в основании, та загерметизировала ее, опустила в какой-то контейнер, затем тщательно обработала Настю каким-то раствором, перестелила постель и удалилась через шлюз. Настя посмотрела по сторонам. Штативы у стены, столик, накрытый белой простыней, аппарат для наркоза, знакомое всем женщинам акушерское кресло, почти не меняющееся с годами, и родовый стол. Настя закрыла глаза. Воспоминания нахлынули на нее новой волной.

Настя всегда любила, когда к ним с мамой приезжала бабушка. Она была довольно странной или, может быть, загадочной женщиной. Несмотря на свой почтенный возраст, – Настя точно не знала, сколько ей лет, так как бабушка никогда не отмечала дней своего рожде-

ния, – выглядела она как Настина пятидесятидвухлетняя мама, если не моложе. Мама один раз обмолвилась, что ей около ста пятидесяти лет, но это она пошутила. Настя как-то прикинула: если бабушка родила маму, к примеру, в двадцать лет, а мама родила ее, Настю, в тридцать, то бабушке должно быть около семидесяти двух лет, что выглядело более вероятным. Но даже если предположить, что ее возраст именно таков, то удивительно было видеть, что на ее лице не было ни капли тонального крема, кожа была гладкой, без единой морщинки. Что такое косметика она не знала вообще. Вернее, знала, но никогда не пользовалась ею. При встрече бабушка всегда вздыхала и говорила одно и то же: «Жаль, что род Зимниных прервался. Родилась бы ты, Настена, парнем», и широко улыбалась своей белозубой улыбкой. Затем прижимала Настю к себе и приговаривала: «Ничего, девочка моя, красавица, зато ты первая принцесса на выданье». Настю всегда забавляло это, а баба Лия грозилась пальцем. Вечерами она рассказывала интересные истории про давно ушедший в небытие народ – Атлантов, населявший Землю с незапамятных времен. Про последнего короля, а в те времена – дэйва Эрла, якобы являющегося пращуром Зимниных и прародителем великой династии. Про чудесный камень Ориона и его удивительную историю, в которой принимал участие дед, тоже Эрл, и сама баба Лия. Настя воспринимала все это как очень красивую, невероятную легенду, хотя баба Лия рассказывала ее серьезно. Но она никогда, никогда не говорила, почему ей удастся выглядеть такой молодой. А один раз она отругала Настю за то, что та поставила себе «улитку». Этот подарок Настя сделала себе на девятнадцатилетие. Баба Лия рассказывала потом про какие-то печати, про то, что всё изменится и наступит всеобщий хаос. Людьюми будет править само Зло. Но Настя ничего не поняла, хотя согласно кивала головой. Под конец она пообещала бабе Лие избавиться от «улитки», но так и не сделала этого.

Временами баба Лия забавляла Настю и маму фокусами. Например, могла вскипятить воду в стакане, просто посмотрев на него внимательно, или, смотря в окно, могла сказать, что сейчас будет делать человек, идущий по улице, и он непременно это делал. А иногда она уходила ночевать в комнату, а утром таинственно исчезала, словно ее и не было, оставляя аккуратно заправленную постель и записку на столе, типа: простите, срочные дела, целую, баба Лия. Мама разводила руками, не в силах объяснить сие загадочное явление, а Настя в детстве пыталась следить, когда баба Лия уходит, но все время засыпала, не дождавшись. Потом к этому все привыкли.

То утро Настя помнила плохо. Так какие-то отрывки. Вроде бы она ехала в такси, дом, тревожные глаза мамы, кровать, подушка, слезы, страшные сны.

Настя проснулась от сильного стука в дверь.

– Открой, дочка, – умоляла мама, – ты жива там вообще?

Настя окинула себя взглядом. Она лежала на кровати в платье. Сбросив один туфель с ноги, второй валялся на полу, Настя села на край кровати.

– Дочка, дочка, открой, что с тобой происходит?

Настя подошла к двери на носочках.

– Ничего, мама, у меня все в порядке, – сухо ответила Настя.

– Но я же чувствую, Настя!

– Мама, я хочу побыть одна.

Шаркающие удаляющиеся шаги за дверью и тихий плач матери. Звонок в дверь квартиры. Настя переделась в шорты и майку и уселась с ногами на кровать в самый угол. Отрывки мыслей неслись в ее голове: «Почему? Как я могла так ошибиться? Да он просто – подлец и... может, я беременна?!»

– Пришла сама не своя, волосы растрепаны, взгляд пустой, отсутствующий, меня не слышит. Быстро прошла в комнату и заперлась. Открывать не хочет, – слышался шепот матери из-за двери.

– Настя, это баба Лия. Открой, нам надо поговорить.

- Я не хочу говорить, оставьте меня! – крикнула Настя.
- Галина, иди на кухню! – голос бабы Лии стал властным.
- Но... – запротестовала мама.
- Галина!

За дверью тихое поскуливание плачущей женщины.

- Настя, я хочу помочь тебе, открой.
- Мне не нужна ничья помощь! – крикнула Настя.

Вдруг замок скрипнул и щеколда отодвинулась сама собой. Ключ выпал из замочной скважины. Дверь распахнулась, и на пороге появилась Лия. Глаза Насти расширились от удивления, на губах замер немой вопрос.

- Ты хочешь спросить, как я это сделала? Как это возможно?

Настя кивнула головой.

– Хорошо... видно, пришло время. Ты, да и вообще все, очень мало знаете обо мне, как, впрочем, и о таких же, как я, людях. Я – арийка, жившая когда-то в Атлантиде, волею судьбы рождена в человеческом облики, в этом времени. Пятьдесят с небольшим лет назад в мир вышли жители града Беловодского, чтобы указать людям путь к Логосу. Это были такие же, как я, потомки арийцев и последних атлантов. Но их учение не приняли. Начались гонения, обвинения в шарлатанстве и безбожии. Адепты света вынуждены были закрыться. Была организована тайная ложа – «Роза Мира», собирающая по крупицам в свои ряды тех, кто обладает силой третьего глаза. Таких на Земле не много и люди называют их – индиго. Поверь, что адепты света могут многое из того, что люди и современная наука считает невозможным. Так вот. Я в силах помочь тебе. Доверься.

– Баба Лия! – Настя вскочила с кровати и бросилась женщине на грудь. Слезы безудержно потекли по щекам девушки.

- Давай сядем... – Лия бережно отстранила Настю и указала на кровать. – Рассказывай.

– Он появился как снег не голову. Все в нем было не так. Он не пошлил, не грубил, и вообще он был какой-то странный. Но я... едва я увидела его, в моей душе стало что-то происходить. Я сразу не поняла, что это. Боже, какая я была дура! – Настя вскочила с кровати и начала расхаживать по комнате. – Он так смотрел на меня, что внутри у меня все переворачивалось, а когда мы остались наедине, он оказался таким робким и неумелым. Боже мой, как хорошо было мне с ним! А потом... почему? Я спрашиваю, почему после всего, что было между нами, он поступил так подло и мерзко?! – Настя плеснула руками.

- Вы были близки? – тихо спросила Лия.

– Да, да, да! – крикнула Настя. – Он сказал, что любит меня, и это было искренне, я это чувствовала. Но потом, когда все закончилось, он ушел, а вернулся с ножом. Он хотел убить меня, я видела ненависть в его глазах! Но что-то остановило его... Он бросил нож и сказал, чтобы я все забыла, что между нами ничего не было. А потом ушел! – Настя снова разрыдалась, бросившись на кровать.

Лия подождала, пока Настя наплачется и успокоится.

- Ты можешь говорить?

– Да... – Настя села рядом с Лией, вытирая последние слезинки и шмыгнув покрасневшим носом. Она смотрела на Лию, как преданная собачка.

– Все это довольно необычно. Кстати, почему ты сказала, что он был странным? И как его имя и фамилия?

– Костя его звали. Фамилии не спрашивала. – Глаза Насти снова налились слезами, но она взяла себя в руки. – Понимаешь, баба Лия, он рассказывал о будущем. Вот это и было странным. О страшном будущем. И мы все поверили. Он говорил о том, что на земле наступит холод, а потом эта передача по визору... откуда он мог знать?

- О будущем, говоришь? Интересно, – заинтересованно произнесла Лия.

– Ну да. Дело в том, что он шесть лет находился в коме, между жизнью и смертью. За это время у него были странные видения о будущем. Он рассказывал, что все это время находился в странном мире, в тюремной камере, где был заключен звездочет. У этого звездочета был телескоп, в который и видно будущее. Он позволял Косте смотреть в него. Имя у него какое-то странное... то ли Федор, то ли Феодор.

– Может, Фиор? – Лия напряглась.

– Да, точно, – улыбнулась Настя. – Фиор.

– Это худшее из того, что могло быть! – Лия встала и отошла в сторону окна.

– А кто это, этот Фиор?

Лия резко повернулась и выбросила обе руки вперед, шепча что-то себе под нос. Голова у Насти закружилась. «Баб...» – только успела произнести она, прежде чем потерять сознание. Лия подошла к сидящей на кровати в ступоре Насте и заглянула ей в глаза.

– Зачем ты пришел? – громко спросила Лия.

– Ха! – губы Насти шевельнулись. – Так я тебе и сказал.

– Все прячешься по чужим телам, Фиор? Не надоело?

– Заметь, это тело рода Эрла.

– Какая низкая месть. Изыди, тварь.

– Ты еще крест возьми, ха-ха-ха! – Тело Насти сотрясалось. – Что ты можешь сделать? Ничего. Я использую эту девчонку и выброшу, как никчемный мусор. Будешь мешать мне, она умрет.

– Если умрет она, умрешь и ты.

– Это не твое дело, арийка. Как жаль, что я не убил тебя тогда.

Лия провела рукой над головой Насти. Та открыла глаза и часто заморгала.

– Что со мной? – Настя смотрела на Лию непонимающим взглядом.

– Ничего, дорогая. Думаю, что тебе надо найти Костю и поговорить с ним. Я же вижу, что ты любишь его. Поверь мне, он здесь ни при чем, и он любит тебя.

– Это все, что ты можешь сказать мне, баба? Я не буду искать его! Я ничего не хочу о нем слышать! Это не логично, все то, что он вытворял. Я ненавижу его!

– Ну-ка ложись на кровать, – вдруг попросила Лия.

– Зачем? – Глаза Насти округлились, но она все же выполнила просьбу.

Лия сделала несколько пазов над животом Насти.

– Так я и думала.

– Что? – не поняла Настя.

– Ты забеременела от Кости.

– Я сделаю аборт, – спокойно сказала Настя.

– К сожалению, ты должна сделать его.

Настя посмотрела на бабу Лию вопросительно – обычно женщин отговаривают от таких жестоких по отношению к ребенку и себе действий. Лия перехватила ее взгляд.

– Беременность будет препятствием между вами. Если ты родишь, вы никогда не будете с Костей вместе. Ты должна решиться и тогда все станет на свои места. А до тех пор вы оба будете ненавидеть друг друга, любя.

– Я уже решила. Я не хочу от него детей. И никогда его не прошу! – Настя села рядом с Лией. – А вообще... спасибо тебе, баб. Мне просто надо было выговориться. Определиться, что делать дальше со все этим. Я решила. Мне стало легче.

Бедная ты моя девочка! – вздохнула Лия.

Прошло два месяца.

Баба Лия появилась как всегда – без предварительного звонка. Она критически посмотрела на Настю, прямо с порога.

– Баба, проходи, что ты в дверях-то стоишь?

– Я ненадолго. – Лия шагнула через порог, но раздеваться не стала. – Ты решила не делать аборт?

– Я подумала, что рожу назло ему. Это было бы проявлением слабости – сделать аборт. Он наверняка не хотел бы, чтобы я забеременела. Такие проходимцы, как он, всегда боятся этого. Я поняла. Именно поэтому он и убежал тогда. Испугался.

– Странно, я всегда думала, что женщины рожают потому, что хотят иметь детей. Ты хочешь родить назло? Ты не боишься испортить жизнь и себе, и детям?

– Я воспитаю их.

– Назло? – спросила Лия.

Настя смутилась.

– Но я люблю их! – Она погладила еще не появившийся толком живот.

– Их?

– Да, у меня будет двойня.

Лия подошла к Насте вплотную и положила ладони ей на живот. Через секунду она отдернула одну руку, словно обожглась. Затем отвела вторую и покачала головой.

– Что такое, баба?

– Воистину, добро и зло всегда ходят рядом.

– Не поняла.

– Ты сделала ход Настя, решила рожать, и этот ход был неудачным.

– Почему?

– Потому что неудачный ход может привести к мату.

Глава восьмая

Прошло шесть месяцев с того момента, как Костя и Настя расстались, едва встретившись на вечеринке, а молодой человек так и не пришел в себя окончательно. Настя снилась ему по ночам. Она не отпускала его. Вся эта мистическая история, что произошла с ним, просто не укладывалась в голове. А самым страшным было то, что поделиться с кем-либо своими переживаниями он не мог. С точки зрения нормального человека все это было полным бредом. Он несколько раз решался пойти к Насте, ведь узнать ее адрес не составляло особого труда, все рассказать. Но скорее всего, Костина правда была бы нелепым оправданием перед ней. Подумать только, прийти и сказать, что в нее вселился звездочет, с которым у Кости был договор, но тот не выполнил его. И что она – Настя, совсем не Настя. Но он, Костя, все равно любит ее, не смотря ни на что. Чушь какая-то. От этих мыслей можно было свихнуться.

Костя не мог найти себе работу, так как у него не было соответствующего образования. Приходилось жить на ничтожное пособие, выдаваемое людям, не принявшим «улитку» и нигде не работающим. Однако Костя не принимал «улитку» из принципа. Он прекрасно помнил то, как в будущем люди будут издеваться над изгоями. Он как-то поймал себя на мысли, что начинает тихо ненавидеть этих улиточников – как он их прозвал. Аэромобиль у Кости, естественно, отобрали, поэтому единственным средством передвижения для него были собственные ноги. Так, на своих двоих, он, потеплее одевшись, бродил бесцельно по городу с утра и до вечера. Вечером он спешил домой, чтобы не видеть ненавистное ему звездное небо. И так бы могло длиться вечно, если бы в один из дней, когда идя, по своему обыкновению, по одной из улиц города, куда глаза глядят, он не заметил, что за ним следят. Сначала Костя подумал, что ему показалось. Женщина лет сорока, в черных очках и нелепом желтом пальто, шла за ним по пятам метра в двадцати. Он резко остановился. Женщина сразу свернула в арку огромного жилого дома. Костя двинулся дальше. Шагов через тридцать обернулся. Она снова шла за ним. Костя нырнул в проем подземного перехода метро, – как его называли по старинке, женщина последовала за ним. Тут Костя решил остановиться и пойти прямо к ней навстречу, но потом передумал. Он вдруг почувствовал что-то вроде азарта и ускорил шаг. Пройдя турникет, Костя обернулся. Она не отставала. Костя побежал вниз по лестнице. К платформе как раз подходил «Фарад» – магнитопоезд, названный так в честь ученого Фарадея. Костя пробежал два последних элитарных вагона и заскочил в открытые двери, которые сразу захлопнулись за его спиной. Женщина стояла напротив закрытых дверей. Она сняла очки и пристально смотрела на Костю своими почти черными глазами. Вдруг она улыбнулась, и в голове Кости ясно прозвучало: «Не бойся меня». Электропоезд тронулся и Костя, пройдя по полупустому вагону, сел на свободное место. Он не считал остановок. Костя сидел и думал, что он, наверное, сошел с ума. Опять голоса. Неужели все начинается сначала? Но это не звездочет. Уж его-то скрипучий, противный голос Костя узнал бы из тысячи. «Станция Подольская, конечная», – возвестил женский голос диктора. Костя вышел на перрон и посмотрел по сторонам. Надо было возвращаться обратно. Подольска Костя не знал, да и время было около семи вечера, скоро начнет темнеть. А так можно бы побродить по улицам этого города. Костя развернулся. Прямо перед ним стояла та самая женщина в желтом балахоне.

– Что вам надо? – Костя был поражен тем, как она смогла оказаться именно там, где вышел он, тем более следующий фарад еще не подходил, вернее, не подлетал, беззвучно паря, над монорельсом.

– Мне и не нужен поезд, – вдруг произнесла женщина.

– Вы что, читаете мысли?

– И это тоже. Я знала, где ты выйдешь, и добралась сюда на аэротакси.

– Но кто вы?

– Вы Костя? – не ответив на вопрос, спросила женщина.

– Да, а с кем все-таки имею...?

Шум голосов людей, вышедших из вновь прибывшего фарада, заглушил Костин вопрос. Женщина указала на лестницу подземного перехода. Молча, они вышли на улицу.

– Скажите мне, Костя, могу ли я называть вас на «ты»? – спросила женщина, уверенно шагая в сторону парка метрах в тридцати, где под замершими липами виднелись занесенные снегом скамейки.

– Да, пожалуйста.

– Вот и хорошо. Нам надо поговорить, Костя. О многом поговорить. Не буду больше испытывать твое терпение. Меня зовут Лия. Я дальняя родственница Насти.

– Насти? – Костя остановился, словно его пришили к месту. К горлу подкатил ком, а сердце бешено заколотилось.

– Да, – спокойно ответила Лия. – Пойдем, пойдем. – Она слегка подтолкнула опешившего Костю в спину. Я нашла тебя через Настиных друзей, но сама она ничего об этом не знает.

Через несколько секунд Костя и Лия уселись на скамейку, стяхнув с нее снег.

– Для начала скажи мне, ты слышал что-нибудь, когда зашел в вагон?

– «Не бойся меня». Это был ваш голос, – ответил Костя.

– Так я и думала. Ты – индиго.

– Что такое это индиго?

– Последнее время на Земле рождаются люди с феноменальными способностями, о которых они, впрочем, не все знают. Они рождались и раньше, но мало. Сейчас значительно больше. Чуть ли не каждый второй ребенок. Значит, грядут перемены.

– Какие? А-а, ледниковый период, – предположил Костя.

– Не только. Услышать зов звездочета мог только индиго. Ведь Фиор так тебе представился?

– Вы знаете его?

– О да, – вздохнула Лия, – приходилось встречаться с этим одержимым маньяком и убийцей в прошлом. Поэтому ничего хорошего нас впереди не ждет.

– Но кто вы?

– Я уже сказала.

– Зачем вы меня нашли?

– Тебе небезразлична судьба Насти? – Лия заглянула Косте в глаза.

– Я люблю ее! Но ее, а не то чудовище, которым она является сейчас.

– Она стала такой не по своей воле, Костя. Это мечь, которую Фиор вынашивал тысячелетиями. Он ненавидит наш род... но это длинная история. И здесь нет твоей вины, что он впутал тебя в нее, используя в своих мерзких целях. Ты и Настя – вы жертвы этой мести. И потом, она беременна от тебя, Костя.

– Что? – Костя вскочил со скамейки, но тут же взял себя в руки и сел обратно, обхватив руками голову. – Насте можно помочь? – спросил Костя после нескольких минут молчания.

– Это я и хотела узнать у тебя. Просто отомстить – слишком маленькое дело для Фиора. Он задумал что-то большее.

– У меня? – удивился Костя.

– Именно. Пребывание его жизни в твоём теле не могло не оставить следа. Мы можем узнать его планы путем транспсихоэнергетического сеанса. Так сказать – поскрести по сусекам твоей ауры. Но ты очень слаб для его выполнения. Тебя надо подготовить.

– Я согласен, Лия. Что я должен делать?

Лия встала и зашагала в сторону подземного перехода. Костя некоторое время так и сидел на скамейке, смотря вслед уходящей, странной женщине и пытаясь осмыслить только что услышанное. Лия шла не оборачиваясь.

– Подождите, – крикнул Костя и быстро зашагал, а затем побежал догонять Лию. – Я действительно смогу помочь ей? – спросил Костя, поравнявшись с женщиной.

– У меня пока нет ответов, Костя, но что-то подсказывает мне, что ты сыграешь определенную роль в игре, затеянной Фиором, в судьбе Насти и ваших с нею детей.

– Детей? – удивился Костя.

– Да. Их будет двое.

Лия и Костя спустились в метро. Вскоре они доехали до центра города и вышли на перрон станции «Площадь Революции». Лия молчала, а Костя не осмеливался что-либо спрашивать у нее. На него нахлынули воспоминания о встрече с Настей. Ее красивое лицо, застенчивый взгляд, вкрадчивый голос. Их близость, испытанное невероятное блаженство и... Костю передернуло, скулы сжались так, что их свело судорогой. «Звездочет! – процедил Костя сквозь зубы. – Ненавижу тебя!». Лия села на скамью и закрыла глаза. Костя уселся рядом.

– Мы кого-то ждем? – спросил он.

– Закрытия метро, – бросила Лия.

Костя пожал плечами и стал рассматривать выложенные фресками своды арок проходов на перрон, узорчатый потолок, стоящие в нишах стен бронзовые скульптуры рабочих и крестьян, людей в странной военной форме, держащих в руках примитивное оружие давно минувших дней. Странно, почему он никогда раньше не рассматривал их. Метро было, пожалуй, единственным местом в городе, которого не коснулся технический прогресс. Разве что поезда-фарады стали бесшумными и высокоскоростными, с комфортабельными вагонами для элиты и простыми, но все же удобными – для низших слоев общества. Минимум рекламы на стенах. Странно, но и люди, зайдя сюда, под землю, вели себя более сдержанно и культурно, чем на поверхности. Пусть они спешили, пусть взгляды их были какими-то отсутствующими, но зато здесь не было видно наркоманов и пьяных, бомжей, плюющих под ноги, курящих и пьющих пиво прыщавых подростков, сбивающихся в кучки, рекламщиков, пытающихся всунуть тебе в руки ненужную вещь или газету. Стоило подняться наверх, и ты попадал в какой-то другой мир – мир невежества и порока. Костя посмотрел по сторонам. Вестибюль был пуст, если не считать поломочной машины, медленно двигающейся вдоль перрона, с восседающей сверху на ней женщиной. Голос невидимого диктора объявил о том, что необходимо покинуть станцию, которая будет закрыта через десять минут. По направлению к Лие и Косте с другого конца вестибюля шли двое полицейских. Поравнявшись со скамейкой, где Лия и Костя сидели, они попросили покинуть станцию метро, замерев на месте и показывая всем своим видом, что они ждут. Лия открыла глаза и пристально посмотрела на них. Те, как ни в чем не бывало, развернулись и пошли дальше, как будто никого не встречали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.